

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО REGNUM

ИСПАНИЯ – КАТАЛОНИЯ: ИМПЕРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Перевод, составление и предисловие Елены Висенс

Москва

REGNUM

2007

УДК 342.24

ББК 67.400.532 (4Исп)

И 88 Испания – Каталония: империя и реальность . Сборник статей. /
Перевод, составление и предисловие Елены Висенс. М.: REGNUM,
2007. 92 с.

- © Е.М.Висенс: перевод на русский язык, составление, предисловие
- © El Pais, Le Monde diplomatique, ABC, El Periodico de Catalunya, La Vanguardia: оригиналы статей
- © REGNUM: издание

ISBN 978-5-91150-021-4

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЛЕНА ВИСЕНС	
ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ К НАЦИИ, ИЛИ УРОКИ НАЦИОНАЛИЗМА.....	5
ТОМАС ДЕ ЛА КУАДРА САЛЬСЕДО	
СТАТУТ В ЛАБИРИНТЕ И ВОЛЯ К КОНСЕНСУСУ.....	13
ЖОАН САУРА	
РАВЕНСТВО — ЭТО НЕ ЕДИНООБРАЗИЕ	20
ВИКТОР ГОМЕС ПИН	
ЯЗЫК, КОТОРЫЙ УСТОЯЛ	23
ЖОЗЕП М. КОЛОМЕР	
ИМПЕРИЯ И СВОБОДА	27
ХОСЕ АЛЬВАРО ХУНКО	
КАТАЛОНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ИСПАНИИ	30
КЛЕМЕНТЕ ПОЛО АНДРЕС	
СТАТУТ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	33
АНДРЕС ДЕ БЛАС ГЕРРЕРО	
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ НАЦИОНАЛИЗМА В ИСПАНИИ.....	38
АЛЕХАНДРО ДИС	
КОНСЕНСУС НЕОСПАРИВАЕМОЙ НАЦИИ.....	41
САЛЬВАДОР ХИНЕР	
ДВА ЛИЦА НАЦИИ	44
ЯЗЫКИ ИСПАНИИ	46
ФРАНСИСКО РОДРИГЕС АДРАДОС	
ИСПАНИЗМ?.....	49
ИГНАСИО САНЧЕС КАМАРА	
ПРАВО ГОВОРЯЩИХ	53
КАРЛОС СЕКО СЕРРАНО	
ИСПАНИЯ И КАТАЛОНИЯ.....	55

ПЕДРО ГОНСАЛЕС ТРЕВИХАНО «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭЛИКСИР»	58
ЛОРЕНЦО МАРТИН РЕТОРТИЛЬО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И АВТОНОМНЫЕ СТАТУТЫ	62
АНТОНИ СИУРАНА И САРАГОСА КАТАЛОНСКИЙ СЕЛЬСКИЙ МИР И НОВЫЙ СТАТУТ КАТАЛОНИИ	65
АНТОНИО ФОНТАН НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИСПАНИИ.....	68
АЛЬБЕРТ БРАНЧАДЕЛЛ, ФЕРРАН РЕКЕХО ЯЗЫКИ И НОВЫЙ СТАТУТ	71
СТАТУТ КАТАЛОНИИ, ОДОБРЕННЫЙ КОНГРЕССОМ И ГЕНЕРАЛЬНЫМИ КОРТЕСАМИ Окончательный текст (21 марта 2006).....	74
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМЕ СТАТУТА АВТОНОМИИ КАТАЛОНИИ Преамбула.....	76
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА СТАТУТА, ОДОБРЕННОГО КОНГРЕССОМ, И ТЕКСТА СТАТУТА 1979 ГОДА	79

ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ К НАЦИИ, ИЛИ УРОКИ НАЦИОНАЛИЗМА

Согласно действующей в Испании конституции, принятой в 1978 году, страна является многонациональным государством. Административное деление предусматривает наличие автономий (конституция не определяет ни их число, ни названия, а лишь возможность для различных территорий стать автономным сообществом и процедуру этого процесса). Всего сейчас в Испании 17 автономных образований и два «заморских» автономных города — Сеута и Мелилья — на севере Африки, получивших автономный статус в 1995 году. Большинство регионов стали автономиями в период с 1981 по 1983 год (первыми этот статус получили в декабре 1979 года Каталония и Страна Басков). В Основном законе страны нет статьи о праве национальностей, проживающих на территории Испании, на самоопределение. Статья 2 вводного раздела гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев; признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними».

Каждая автономия имеет свое правительство, свой парламент и право самой принимать решения по довольно широкому кругу вопросов — от формирования органов самоуправления и налоговой системы до вопросов здравоохранения и охраны окружающей среды.¹ В тех автономиях, где исторически был и есть национальный язык, он признан, наряду с испанским, официальным языком.

¹ Статья 148 Конституции Испании определяет круг полномочий автономных правительств:

«1. К ведению автономных сообществ могут относиться следующие предметы:

- 1) Создание собственных органов самоуправления;
- 2) Изменение границ муниципалитетов, находящихся на их территории и в целом осуществление функций, связанных с деятельностью местных органов власти, относящихся к ведению органов государственного управления, передача которых разрешается законодательством о местном самоуправлении;
- 3) Территориальное устройство, градостроительное и жилищное строительство;
- 4) Строительство в рамках интересов и территории автономного сообщества;
- 5) Железные и шоссейные дороги, полностью проходящие по территории автономного сообщества, транспорт и проводная связь (также на территории автономного сообщества);
- 6) Гавани, спортивные порты и аэродромы и в целом все сооружения подобного рода, не связанные с коммерческой деятельностью;
- 7) Земледелие и животноводство в соответствии с общим направлением экономического развития;
- 8) Леса и лесное хозяйство;
- 9) Деятельность по охране окружающей среды;
- 10) Проектирование, строительство и эксплуатация гидроресурсов, каналов и орошаемых земель, представляющих интерес для автономного сообщества, минеральные и термальные воды;
- 11) Рыболовство во внутренних водах, промысел ракушек и водное хозяйство, охота и речное рыболовство;
- 12) Местные ярмарки;
- 13) Экономическое развитие автономного сообщества в соответствии с целями, определенными общенациональной экономической политикой;
- 14) Ремесла;

Процесс передачи полномочий от федерального правительства автономиям длился более 10 лет и сталкивался со многими проблемами. Так, только в 1985 году Конституционный суд страны рассмотрел 131 «конфликт полномочий». В 1992 году был принят автономный пакт, зафиксировавший передачу еще 32 новых полномочий автономиям, в том числе и в сфере образования.

Но исторически сложилось так, что трём регионам — Каталонии, Стране Басков и Галисии — изначально был предоставлен особый автономный статус с расширенными правами как «исторические территории» по так называемому быстрому пути, предусмотренному статьей 151 Конституции Испании.² У них уже был опыт автономного управления. Эти регионы после установления II Республики получили особый статус со своими статутами (местной конституцией) и органами самоуправления. Учредительные кортесы Испании 9 сентября 1932 года приняли закон об автономном статусе Каталонии, в соответствии с которым был избран каталонский парламент и сформировано местное правительство — Женералитат. 15 сентября вступил в силу статут Каталонии, ставшей первым и единственным регионом, реально воспользовавшимся правом на автономию. Галисийский статут был принят 28 июня 1936 года, статут Страны Басков позднее — в октябре 1936 года. Но оба на практике фактически не были воплощены. Женералитат же функционировал в зоне, контролируемой республиканцами, вплоть до победы Франко и затем просуществовал в эмиграции до его смерти в 1975 году. Еще одна территория — Андалузия — также в годы II Республики подготовила свой особый статут, но начало Гражданской войны помешало его принятию. Тем не менее, в 1980 году Андалузия получила статус автономии по быстрому пути (согласно ст. 151 Конституции Испании).

В период диктатуры генерала Франко любые проявления национальных чувств, отличных от кастильских (испанских), подавлялись. В Стране Басков, Галисии, Каталонии, Валенсии было запрещено не только использовать родной язык в деловой и общественной жизни (всё делопроизводство велось на испанском, равно как и газеты, радио, телевидение, книгоиздательство, обучение в школе и вузах), но и говорить на нём.³

15 Музеи, библиотеки и консерватории, представляющие интерес для автономного сообщества;

16) Охрана памятников, представляющих интерес для автономного сообщества;

17) Развитие культуры, науки и преподавания языка автономного сообщества;

18) Развитие и организация туризма на территории автономного сообщества;

19) Развитие спорта и досуга;

20) Социальное обеспечение;

21) Здравоохранение и гигиена;

22) Охрана и защита зданий и сооружений. Координация и осуществление других функций, связанных с местной полицией в порядке, устанавливаемом органическим законом».

² Статья 151, пункт 1 гласит:

«Не является обязательным предусмотренное пунктом 2 статьи 148 истечение пятилетнего срока в случае, если ходатайство о предоставлении автономии было оформлено в срок, установленный статьей 143, пункт 2, и одобрено, при участии провинциальных собраний или соответствующих межгосударственных органов, тремя четвертями муниципалитетов каждой из заинтересованных провинций, представляющих не менее большинства от избирательного списка в каждой провинции и при условии, что такое ходатайство одобряется на референдуме положительным голосованием абсолютным большинством голосов избирателей каждой провинции в порядке, предусмотренном соответствующим органическим законом».

³ Преследование каталонского языка в Испании началось задолго до диктатуры генерала Франко. Еще в 1711 году король Филипп V издал указ о распространении в Каталонии кастильского языка. В 1760 году в прошении, представленном барселонцами королю Карлу III, сыну Филиппа V, содержалось, в том числе, и требование легализации каталонского языка, за использование которого во многих случаях сурово наказывали. 8 лет спустя, в 1768 году, король соизволил дать ответ на это прошение: использование каталонского языка было запрещено «в

Старожилы рассказывают, как во времена диктатуры в Бильбао или Барселоне полицейские могли забрать человека на участок только за то, что он говорил на улице не на кастильском, а на родном языке — баскском или каталонском. Такому человеку мог грозить штраф и даже тюремный срок.⁴

Принятие Конституции 1978 года стало поистине революционным шагом для страны, почти 40 лет находившейся под гнетом франкистского режима. Конституция не только признает существование в стране разных национальностей и их право на автономию, но и посвящает теме автономий целый раздел 8 «О территориальном устройстве государства» (16 статей). В Основном законе закреплено признание «исторических сообществ» и даже есть приложение, посвященное целиком Стране Басков и Наварре.

Первой восстановила свои прежние автономные права Каталония. После всеобщих демократических выборов 1977 года⁵ король издает специальный декрет о возобновлении деятельности Женералитата. А 25 октября 1979 года каталонцы голосуют за новый автономный статут, в котором Каталония определена как национальность, а каталонский — как официальный национальный язык автономии. На первых автономных выборах 20 марта 1980 года победу одержала националистическая партия «Единство и союз» (Convergència i Unió), продержавшаяся у власти 23 года.

За прошедшие с тех пор 27 лет автономные права Каталонии значительно расширились (в середине 1990-х проводилась реформа автономных статутов). Каталония — самая промышленно развитая часть страны. Она обладает широчайшими полномочиями, включая вопросы местного самоуправления, предпринимательства, транспорта, связи, общественной безопасности (в Каталонии, как и в Стране Басков,

целях наибольшей гармонии и взаимосвязи». В середине XIX века правнучка Карла III королева Изабелла II специальным королевским указом повелела называть каталонский язык не иначе как «диалектом кастильского». Дон Хуан де Борбон, король в изгнании, отец ныне царствующего Хуана Карлоса, первым начал возрождение каталонского языка, приняв титул графа Барселонского и выучив в совершенстве каталонский. В период диктатуры генерала Франко каталонский язык был запрещен. Обучение в школах и высших учебных заведениях, делопроизводство, судопроизводство велись только на испанском. Но «подпольно» язык сохранялся, на нем продолжали говорить в семьях. Тем не менее, значительная часть населения не умела ни читать, ни писать на своем родном языке. После падения диктатуры в конституции страны законодательно были закреплены оба языка — кастильский и каталонский — как государственные языки автономии. Тогда же была разработана целая стратегия по восстановлению каталонского языка, воплощение которой началось с введения изучения этого языка в школах. В 1983 году оно стало обязательным. В том же году был принят закон о языке, цель которого — «каталонизация» всех сфер жизни региона и полномасштабное возрождение каталонского языка. Открылись многочисленные бесплатные курсы, появился первый канал телевидения на каталонском языке. Ежегодно выделяются значительные средства на поддержание органов печати, издаваемых на каталонском, на публикацию книг на каталонском, и перевод книг иностранных авторов на каталонский и каталонских авторов — на иностранные языки. В законе о языке записано, что выпускники школ обязаны знать оба государственных языка. Обучение в школах ведется на каталонском. С 8 лет дети начинают изучать кастильский, на котором преподаются некоторые предметы, с 10 лет — другой иностранный язык, например, французский или английский. По официальным данным, около 90% населения автономии понимают каталонский, около 70% говорят и пишут на нем свободно.

⁴ Один мой знакомый баск (сейчас ему далеко за 70, он преподает в маленькой сельской школе, но когда-то был членом баскской террористической организации ЭТА) как-то рассказал мне, как в 1960-х годах его оштрафовали за то, что он говорил на баскском. «Судья потребовал осудить меня на 4 года, но мне дали всего 2. На процессе я отказался говорить на испанском, заявив, что мой родной язык, язык, на котором я привык ежедневно общаться и объясняться, — баскский. Мне задавали вопросы на испанском, я очень вежливо отвечал им на баскском. Я понимаю испанский, но отвечал на родном. Суд был прерван. Тогда я перешел на кастильский и сказал им: «Я уважаю кастильский язык и тоже считаю его родным, но единственное, что я прошу, это уважьте и вы мой язык». Суд проходил в Мадриде. Это был 1967 год. Судья, в конце концов, оказался порядочным человеком и лишь приговорил меня штраф 250 песет за то, что я говорил на баскском».

⁵ По итогам выборов более 75% каталонцев высказались за восстановление каталонских институтов власти и статута 1932 года.

своя полиция, не подчиняющаяся Мадриду), а также вопросы образования, культуры, языковой политики, охраны окружающей среды и частично правосудия (здесь действует свой гражданский кодекс, хотя в большинстве вопросов система правосудия Каталонии подчиняется центральной власти).

Новый статут Каталонии

С приходом к власти в Испании социалистов в марте 2004 года дискуссия о расширении полномочий автономий, которая ведется в испанском обществе с середины 1990-х, возобновилась. В октябре состоялась встреча лидеров всех автономий с председателем правительства Хосе Луисом Родригесом Сапатеро, на которой обсуждалась возможность — и готовность правящей партии — провести реформу системы автономий.

Активнее всех включилась в этот процесс Каталония. Еще в декабре 2003 года только что ставший президентом Каталонии Паскуаль Марагалл пообещал каталонцам провести реформу автономного статута. В феврале 2004 года парламент сформировал комиссию, которая взялась за составление нового текста закона об автономном статусе Каталонии. Через год, 30 сентября 2005-го, автономный парламент большинством голосов одобрил проект текста нового статута. 2 ноября документ был передан в Мадрид, где проекту предстоял долгий путь прохождения через конституционную комиссию Конгресса, обсуждения и одобрения в Генеральных кортесах. В стране развернулись ожесточенные дебаты в официальных институтах власти и в обществе (о чем свидетельствуют собранные в данном сборнике статьи из испанской прессы) как по самому факту изменения статута Каталонии, так и по содержанию документа. В первоначальном варианте текста было довольно много несоответствий действующей в стране конституции и законам, которые необходимо было устранить.

После рассмотрения текста проекта автономного статута конституционной комиссией Конгресса депутатов в документ были внесены значительные поправки (срок внесения поправок истек 27 декабря 2005 года). А затем обновленный текст статута поступил на рассмотрение в Генеральные кортесы. 1 апреля 2006 года он был одобрен Конгрессом депутатов, 11 мая — Сенатом. 18 июня 2006 года текст нового автономного статута был вынесен на референдум, в ходе которого каталонцы большинством голосов (74% участвовавших в референдуме) высказались за одобрение документа. Правда, активность избирателей была довольно низкой — менее 50% имеющих право голоса.

Спорные моменты

Проект нового автономного статута предусматривал кардинальное расширение полномочий местного правительства в налоговой и судебной областях, в управлении местными портами и аэропортами, в сфере борьбы с нелегальной иммиграцией и регулирования легальной иммиграции и т. д. Ряд положений напрямую нарушал конституцию страны или противоречил конституционным нормам. Большинство

спорных моментов были убраны из окончательного текста статута или отредактированы должным образом.

Основные спорные моменты, которые были выявлены в ходе прохождения первоначального текста статута в конституционной комиссии и вокруг которых развернулась ожесточенная полемика, касались проблем идентичности (определения Каталонии как нации), признания каталонского языка единственным официальным языком автономии, а также вопросов финансирования и полномочий.

Идентичность

Пожалуй, самые горячие дебаты развернулись вокруг намерения составителей нового статута определить Каталонию как нацию, отдельную от испанской нации. Преамбула проекта начиналась с фразы: «Каталонская нация формировалась продолжительное время за счет вклада энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней пристанище». Пункт 1 преамбулы гласил: «Каталония — это нация».

Такое утверждение входит в противоречие со статьей 2 Конституции Испании, в которой говорится, что «Конституция основывается на неразрывном единстве испанской нации, общей и неделимой родине всех испанцев, признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между всеми ними». Таким образом, Основной закон предусматривает существование на территории Испании лишь одной нации — испанцев. Остальные национальные группы, в том числе каталонцы и баски, определены как национальности. Признание положения статута, определяющего каталонцев как нацию, означало бы возвышение их над другими равноправными с каталонцами национальностями, такими как баски, валенсийцы, галисийцы. Большинство критиков каталонского статута сходятся во мнении, что в единой стране нельзя говорить о существовании нескольких наций, поскольку это рано или поздно приведет к расколу или «параду статутов», что, собственно, сейчас в Испании и происходит.⁶

После долгих дебатов в текст статута была внесена компромиссная поправка. С одной стороны, признается, что Каталония — это нация («Парламент Каталонии... определил значительным большинством Каталонию как нацию»), с другой — делается ссылка на конституцию, которая в статье 2 признает национальную реальность Каталонии как национальность.

Язык

Согласно статье 3 Конституции Испании, официальным государственным языком страны является кастильский.⁷ «Все испанцы обязаны его знать и имеют право поль-

⁶ В некоторых автономиях, в том числе в Стране Басков (здесь проект нового статута, так называемый «план Ибарече», был принят местным парламентом раньше Каталонии, 30 декабря 2004 года), разработка нового статута началась до Каталонии. Но именно пример каталонцев вдохновил остальные автономии продолжить или начать этот процесс.

⁷ В Испании литературным и общепринятым языком служит кастильское наречие испанского языка.

зоваться им. Остальные языки Испании также являются официальными в соответствующих автономных сообществах согласно их статутам. Богатство различных языковых модальностей Испании является частью ее культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой».

Проект статута Каталонии определял каталонский как официальный государственный язык автономии, язык «нормального и преимущественного использования»,⁸ хотя и устанавливал, что каталонцы имеют право и обязанность знать кастильский. В окончательном тексте статута говорится, что «все люди имеют право использовать оба официальных языка, и граждане Каталонии — право и обязанность их знать» (статья 6, пункт 2). То есть, теперь, скажем, житель Мадрида или Кордовы, решивший переехать в Каталонию, обязан будет выучить каталонский.

Языковым правам и обязанностям посвящена глава III раздела I, в которой подробно описаны права и обязанности в отношении знания и использования языков, языковые права в отношениях с общественными и государственными институтами, языковые права потребителей и пользователей, языковые права в сфере образования, права, касающиеся аранского языка.⁹ В этой главе говорится о равном положении каталонского и кастильского — обоих официальных языков автономии. В том числе упоминается, что во всех властных структурах, в том числе судебных, граждане сами выбирают язык из двух официальных, на котором будут вестись их дела.¹⁰

Но при видимом признании равных прав для каталонского и кастильского в последующих статьях статута (например, в разделе, посвященном вопросам юриспруденции) фактически устанавливается приоритет каталонского. Так, больше всего споров вызвало положение о том, что работники администрации и юстиции обязаны знать и использовать в своей работе каталонский. Знание каталонского будет также определяющим в выборе кандидата на юридическую должность.¹¹

Финансирование

Модель финансирования автономных сообществ базируется на принципе солидарности и экономического равновесия. Согласно статье 156 Конституции Испании, «автономные сообщества пользуются финансовой автономией в целях развития

⁸ В преамбуле проекта статута говорилось: «Каталония привносит каталонский как собственный язык, общий для всего гражданского общества независимо от родного языка и языка привычного пользования».

⁹ В каталонской части Пиреней, на границе с Францией, есть область Аран, жители которой говорят на аранском языке. Эта область обладает особым статусом в рамках автономии Каталонии. Власти Арана настаивали на том, чтобы в новом статуте Каталонии была зафиксирована необходимость заключения специального «пакта о свободном союзе» Арана и Каталонии. Согласно статье 11 нового статута Каталонии, Аран признается как «национальная реальность» и «особая территориальная общность в рамках Каталонии» со своими особыми культурой, историей, географией и языком.

¹⁰ Статья 33, пункт 1 гласит: «Граждане имеют право выбора языка. В отношениях с институтами власти, организациями и административными органами Каталонии все имеют право использовать тот официальный язык, который выберут».

¹¹ Согласно статье 102, пункт 1, «члены Верховного суда, судьи или прокуроры, занимающие должность в Каталонии, обязаны иметь соответствующие и достаточные знания каталонского языка». Пункт 3 этой статьи устанавливает, что «достаточное знание языка и собственно права будет оцениваться определенным и особым образом для получения должности в соответствующих конкурсах по продвижению по работе».

и осуществления своих полномочий в соответствии с принципом координации деятельности с центральными финансовыми учреждениями и принципом солидарности всех испанцев».

Статья 157 определяет, из чего складываются средства автономий: «...из налогов, полностью или частично уступленных государством, надбавок на государственные налоги и другого участия в налогах государства; из собственных налогов, специальных пошлин и взносов; из переводов от Межтерриториального компенсационного фонда¹² и других поступлений из государственного бюджета; из прибыли от собственного имущества и доходов, поступающих от операций, регулируемых частным правом; из прибыли от кредитных операций».

В Основном законе особо отмечается, что автономные сообщества «не могут ни в коем случае предпринимать действия по взиманию налогов с имущества, находящегося вне их территории, или налогов, препятствующих свободному обращению товаров и услуг» (статья 157, пункт 2).

Каталония как одна из наиболее экономически развитых автономий Испании до недавнего времени обеспечивала до четверти доходов страны, «отстегивая» в госбюджет значительную часть доходов. Так, согласно исследованию, проведенному профессором Университета Валенсии Эзекиелем Уриэлем в 2003 году, три испанские автономии отдавали в государственную казну больше средств, чем затем получали из бюджета, — это Мадрид (отрицательное сальдо в 6,236 млрд. евро), Каталония (отрицательное сальдо в 2,411 млрд. евро) и Балеарские острова (отрицательное сальдо в 650 млн. евро).

Понятно, что каталонцы были недовольны подобным положением дел, считая, что кормят всю страну, при этом многие экономические проекты в самой Каталонии (как, к примеру, реконструкция аэропорта в Барселоне) годами не доводятся до реализации. Поэтому и шла столь ожесточенная борьба за передачу функций сбора и распределения налогов в руки каталонских органов власти.

В проекте нового статута вопросам финансирования было уделено много места. Предусматривалось, в частности, создание специального Налогового агентства Каталонии. Оно должно заниматься сбором налогов в автономии и определением той части, которая пойдет в госбюджет, и части, которая останется в местной казне.

Многие положения проекта содержали несоответствия конституции и вызвали серьезные споры и возражения, в первую очередь, со стороны тех регионов, которым передавали каталонские отчисления в федеральную казну. Так, по мнению Хуана Ибарры, президента Эстремадуры — одной из самых бедных автономий страны, новый статут Каталонии «разделит Испанию на богатей и неимущих». Дело дошло до объявления некоторыми автономиями бойкота каталонской каве (игристое вино).

Согласно статье 202, пункт 1 окончательного варианта статута, «отношения налогового и финансового порядка между государством и Женералитатом регулируются

¹² «в целях выравнивания экономического положения в разных регионах Испании и воплощения принципа солидарности создается компенсационный Фонд, предназначенный для инвестирования бюджетных средств. Средства фонда будут распределять Генеральные кортесы между автономными сообществами и провинциями» согласно статье 158, пункт 2, (см. сноску 11).

конституцией, нынешним статутом и органическим законом, предусмотренным в разделе 3 статьи 157 конституции». ¹³ Каталония оставляет за собой право вмешиваться в закрепление основных элементов налогов и в особенности в определение типа налогов (статья 204). В частности, устанавливается процент от налога, который остается в Каталонии. Среди прочих, это 50% IRPF и IVA и 58% на углеводороды, табак, алкоголь, пиво, вино и промежуточные продукты. ¹⁴

Согласно статье 204 нового статута, создается Налоговое агентство Каталонии, которое отвечает «за управление, взимание налогов, подведение заключительного баланса и инспектирование всех собственных налогов Женералитата Каталонии, равно как и всех государственных налогов, уступленных целиком Женералитату». Налоговое агентство затем определяет, какой процент от собранных налогов пойдет в государственную казну.

Государство обязуется инвестировать средства в инфраструктуру Каталонии адекватно относительному участию внутреннего валового продукта Каталонии во внутреннем валовом продукте государства (дополнительное приложение № 3). Указанные средства могут быть использованы также для освобождения от дорожных пошлин и строительства автодорог. Размер инвестиций, в которые не входят средства, выделяемые Межтерриториальным компенсационным фондом, определяется один раз в семь лет. Так, если исходить из данных 2005 года, эта сумма должна составить 18,9% от общего ВВП страны.

Серьезные изменения претерпели и положения, регулирующие отношения между каталонскими властями (Женералитатом) и центральными властями (государством в целом). Отношения с Мадридом основываются на принципах двусторонности и учета интересов автономии. Так, Каталония имеет право участвовать в обсуждении и выработке любых законов, затрагивающих ее интересы. ¹⁵ Полномочия Женералитата значительно расширяются, в том числе в решении вопросов обеспечения внутренней безопасности, управления телекоммуникациями, портами местного значения, в области иммиграции. Женералитат оставляет за собой право определять иммиграционную политику, например, количество, происхождение и профессиональные навыки принимаемых иммигрантов. Ранее это была исключительная компетенция центральной власти.

Серьезной победой каталонцев можно считать и большую независимость судебной и правоохранительной систем. Согласно новому статуту, создается Совет по правосудию Каталонии, который имеет право влиять на принятие органических законов, назначать председателя Верховного суда автономии (Верховный суд определяется как последняя судебная инстанция) и главного налогового судью. Каталонское право является преимущественным на всей территории Каталонии.

Москва, ноябрь 2006 года

¹³ «Органический закон регулирует осуществление финансовых полномочий, перечисленных в предыдущем пункте 1, порядок разрешения возникших споров и возможные условия финансового сотрудничества между автономными сообществами и государством».

¹⁴ IRPF (подоходный налог) раньше составлял 33%, IVA (налог на добавленную стоимость) – 35%, налог на вино, пиво, алкоголь, табачные изделия, углеводороды и промежуточные продукты – 40%.

¹⁵ Статья 186 статута гласит: «Позиция, высказанная Женералитатом, является определяющей... если она затрагивает ее исключительные полномочия».

СТАТУТ В ЛАБИРИНТЕ И ВОЛЯ К КОНСЕНСУСУ

Генеральные кортесы готовятся рассмотреть предложение реформы автономного статута Каталонии в атмосфере серьезных дебатов по содержанию текста статута из-за значимости многих изменений в документе и, во многих случаях, из-за возможных расхождений его текста с действующей конституцией страны.

То, что, кажется, не вызвало никаких дебатов, относится к процедуре и к границам полномочий, в пределах которых Генеральные кортесы имеют право вносить поправки в предложение о реформе, исходящее от каталонского парламента. И этот вопрос очень важен, поскольку могло бы случиться так, что у Генеральных кортесов не было бы достаточных полномочий вносить поправки, если они стремятся к тому, чтобы исход прохождения проекта в Генеральных кортесах вылился в окончательное утверждение реформы, пусть даже и с поправками.

Возможно, отсутствие дебатов или размышлений по этому вопросу вызвано тем, что в процедуре утверждения первых и оригинальных статутов, вслед за утверждением испанской конституции, предусмотрена в статье 151, пункт 2 специальная процедура. Она естественным образом интегрировала в прохождение документа в Конгрессе депутатов делегацию Ассамблеи территориальных парламентариев, выработавшей проект статута, с полномочиями уже не защищать свое предложение, а вести переговоры по тексту, включая в него соответствующие изменения.¹

¹ Статья 151, пункт 2 Конституции Испании гласит: «В предусмотренном в предыдущем пункте случае процедура разработки статута будет следующей:

- 1) Правительство созывает всех депутатов и сенаторов, избранных в избирательных округах, входящих в состав территории, стремящейся получить самоуправление, с тем чтобы они учредили Ассамблею с единственной целью разработать соответствующий проект автономного статута посредством согласия абсолютного большинства ее членов.
- 2) Принятый парламентской Ассамблеей проект статута направляется в конституционную комиссию Конгресса, которая в течение двух месяцев рассматривает его с помощью и при участии делегации от представляющей проект Ассамблеи, с тем чтобы совместно определить окончательный проект статута.
- 3) В случае достижения такого согласия итоговый текст проекта выносится на референдум среди избирателей провинций, составляющих территорию, предусмотренную проектом статута.
- 4) В случае принятия проекта статута в каждой провинции большинством признанных действительными голосов проект вносится в Генеральные кортесы. На своих пленарных заседаниях обе палаты принимают решение о тексте посредством голосования для ратификации. Принятый статут подписывается королем и обнародуется как закон.
- 5) При недостижении согласия, предусмотренного подпунктом 2 данного пункта, проект статута вносится на рассмотрение Генеральных кортесов в качестве законопроекта. Принятый ими текст выносится на референдум среди избирателей провинций, составляющих территорию, предусмотренную проектом статута. В случае принятия большинством признанных действительными голосов в каждой провинции статут подлежит подписанию и опубликованию в установленном предыдущим пунктом порядке». (Здесь и далее примечания принадлежат составителю.)

Пожалуй, из-за наличия этой модели прошло незамеченным изменение системы, внесенное с целью реформирования статута в сам статут Каталонии относительно системы, предусмотренной Конституцией Испании, для его утверждения в 1979 году.

С другой стороны, возможно, покажется естественным, что если через инстанцию проходит органический закон,² это должно делаться со всеми его характеристиками, среди которых возможность представлять поправки, и поэтому не осознается своеобразие нынешнего статута, в который вносятся поправки.

Действительно, одна из особенностей автономного статута, формально одобренного органическим законом государства, состоит в том, что он «невосприимчив» к изменениям в соответствии с предыдущим органическим законом. Такая невосприимчивость свидетельствует о том, что центральные законодательные органы государства частично потеряли законодательные полномочия для одностороннего изменения статута, уже первоначально и предварительно принятого. Они не могут менять его в одностороннем порядке, а должны считаться с волей самого автономного сообщества. Статут представляет, таким образом, определенные типичные черты согласованного договора, договора, который составлен так, что государственному законодательству не остается никакой возможности свободно и в одностороннем порядке принимать решение об изменении статута в соответствии с каким-либо предыдущим законом, каким бы органическим он ни был.

Это так, поскольку такое положение было заложено в конституции, определившей, чтобы реформа статутов осуществлялась в тех же границах, которые устанавливаются в самих статутах (статья 147, пункт 3 Конституции Испании), за исключением необходимости органического закона.³

Это так, потому что такова была воля власти «статутарной», когда она включала в собственный каталонский статут статью о бронировании системы реформирования. Эта статья распространилась на автономные статуты, которые пошли по пути статьи 151 испанской конституции,⁴ без сомнения, из-за недоверия перед лицом опасности односторонних реформ.⁵

Дело в том, что в статутах в значительной степени было заложено право определять порядок своего реформирования. И здесь кроется проблема — типичная для субъ-

² Органический закон — закон, имеющий особый статус и занимающий пограничное положение между конституционными и обычными законами. Принимается по прямому предписанию конституции на основе ее бланкетных (отсылочных) норм в ее дополнении и развитии и в специальном порядке.

³ Согласно статье 147, пункт 3 Конституции Испании, «реформа статутов осуществляется в соответствии с процедурой, предусмотренной ими самими, и, в любом случае, требует одобрения Генеральными кортесами посредством принятия органического закона».

⁴ Согласно статье 151, пункт 1 Конституции Испании, «не является обязательным предусмотренное пунктом 2 статьи 148 истечение пятилетнего срока в случае, если ходатайство о предоставлении автономии было оформлено в срок, установленный статьей 143, пункт 2, и одобрено, при участии провинциальных собраний или соответствующих межостровных органов, тремя четвертями муниципалитетов каждой из заинтересованных провинций, представляющих не менее большинства от избирательного списка в каждой провинции, и при условии, что такое ходатайство одобряется на референдуме положительным голосованием абсолютным большинством голосов избирателей каждой провинции в порядке, предусмотренном соответствующим органическим законом».

⁵ В Конституции Испании закреплена разноразовная процедура получения автономного статуса: статья 143 — «медленный путь», и статья 151 — «быстрый путь». По «быстрому пути» пошли три региона — Каталония, Страна Басков и Галисия, получившие статус автономии довольно быстро и фактически «автоматом».

Империя и реальность.

ектов — 151 статьи Конституции Испании, над которой, похоже, никто не задумывался. Статут Каталонии 1979 года требует стечения трех суммарных обязательных условий, для того чтобы предложение реформы имело положительный результат.

Первое. Утверждение парламентом Каталонии предложения реформы не менее чем двумя третями голосов.

Второе. Утверждение Генеральными кортесами предложения реформы посредством органического закона.

Третье. Положительный исход референдума среди избирателей по вопросу о предложении реформы.

Речь идет о суммарных обязательных условиях, когда должны присутствовать все три. И чтобы учитывались все три, необходимо, чтобы текст, который подвергается очередному одобрению, был тот же. Ведь если каждый законодательный орган — или избиратели — будет высказываться по различным текстам, провалится само стремление к участию и согласию, пытающееся избежать односторонних решений.

Поэтому если бы в текст, направленный в инстанции парламентом Каталонии, были внесены поправки Генеральными кортесами, то, как в нашем случае, не хватало бы одного из обязательных условий. Для того чтобы реформа могла полностью воплотиться, это необходимо, поскольку при наличии поправок текст, одобренный Генеральными кортесами (текст, но еще не органический закон, поскольку эту характеристику он мог бы получить только через ратификационное голосование после референдума), уже не был бы текстом, одобренным первоначально парламентом Каталонии. Это не позволило бы, более того, вынести его на референдум, поскольку речь уже шла бы не о том же предложении реформы (предложение, исходящее от кортесов, относительно предложения, исходящего от каталонского парламента) и невозможно выносить на референдум предложение, отличное от того, которое исходило от органа, инициировавшего процесс реформы. То есть это означало бы односторонне одобренную реформу, отличную от согласованной парламентом Каталонии, на которую этот парламент не давал согласия.

Поправки, внесенные Генеральными кортесами, не позволили бы, таким образом, прийти к положительному итогу реформы. Более того, не логично также, политически, юридически и рационально, чтобы предложение о проведении реформы, исходящее от Каталонии, должно было бы быть одобренным без хотя бы минимальной возможности вносить в него изменения или полностью быть отвергнутым.

Полученная жесткость несчастной редакции этой статьи 56 действующего статута⁶ совершенно противоположна проекту нового статута, где сделана попытка найти согласие кортесов и парламента Каталонии. Получается, что действующий статут Каталонии не предусмотрел процедуру для достижения этой цели — соединить волю Генеральных кортесов и парламента Каталонии, кроме процедуры возвращения поправленных предложений последующей и окончательной реформы. Это предполагает серьезнейшую и трудно преодолимую проблему.

С другой стороны, ни регламенты конгресса и сената, ни регламент парламента Каталонии — ни, тем более, пояснительные резолюции, выдвинутые их председателями, — не могут выносить какое-либо решение по этой проблеме. Разумеется, не могут сделать так, чтобы парламентарская делегация, которая прибывает на заседание Генеральных кортесов, изменила и поставила под удар волю парламента Каталонии, поскольку это означало бы нарушение и конституции, и статута.

На самом деле, недопустимо здесь применять дополнительно процедуру, предусмотренную в конституции (статья 151, пункт 2) для одобрения первых и оригинальных статутот, по многим причинам, из которых я рассмотрю здесь только три. Первая причина состоит в том, что дополнительный характер допустим в отсутствие регулирования, но не тогда, когда есть явное регулирование, которое захотелось сделать отличным от первоначально предусмотренного в конституции и более жестким. Вторая причина заключается в том, что одно дело — процедура, предусмотренная конституцией для первых статутот, являющаяся гарантом «права доступа к автономии национальностей и регионов», и другое дело — изменения первого статута, уже одобренного и ныне действующего, которому конституция передала прерогативу определять, каким образом его реформировать. И третья причина состоит в том, что ни парламентарская ассамблея, о которой шла речь в конституции, ни тем более ее делегация, которая, как предусматривалось, могла обсуждать и принимать изменения, ничего общего не имеют ни с парламентом Каталонии, ни с гипотетическим делегированием полномочий представительству каталонского парламента. Все это попросту не предусмотрено в статье 56 действующего статута.⁷ В этих условиях невозможно предугадать, как парламентарская делегация, в каком бы качестве и под каким бы именем она ни представлялась, сможет менять волю, выраженную в этом парламенте, а также как она сможет вести переговоры об изменении его предложения, не получив от него на то представительского мандата и не имея возможности его получить, согласно статье 56 статута. Одно дело — защищать в конгрессе предложение реформы в той форме, в которой это делается, например, в виде

⁶ Статья 56 статута Каталонии 1979 года гласит:

«1. Реформа Статута производится сообразно следующей процедуре:

а) Инициатива изменения принадлежит Исполнительному совету или Женералитату, парламенту Каталонии по предложению пятой части его депутатов или Генеральным кортесам.

б) Предложение реформы требует, в любом случае, одобрения парламентом Каталонии большинством в две трети голосов, утверждения Генеральными кортесами посредством органического закона и, наконец, положительного результата референдума избирателей.

2. Если предложение об изменении не было одобрено парламентом Каталонии или Генеральными кортесами или не было подтверждено корпусом избирателей в ходе референдума, оно не может быть вновь представлено на обсуждение и голосование в парламенте ранее чем по прошествии одного года.

3. Одобрение изменения Генеральными кортесами посредством органического закона включает санкцию государства на созыв Женералитатом референдума, о котором идет речь в абзаце б) раздела 1 этой статьи».

⁷ Речь идет о статуте 1979 года.

предложений по закону об автономной инициативе, и другое — иметь возможность обсуждать изменения в предложенный вариант реформы статута, добиваясь, при всеобщем согласии, окончательной формулировки, которая объединила бы мнения кортесов и каталонского парламента.

Отсюда следует, что невозможно преодолеть сложности, заложенные в статье 56, пункт 1 действующего статута, когда требуется присутствие трех обязательных условий. Их наличие может быть удовлетворено только в том случае, если дело происходит с одним и тем же идентичным текстом.

Как видно, статут искал в согласии между кортесами и парламентом гарантию. И было это осуществлено в форме настолько неудачной, что это больше похоже на бронирование, преобразившееся сегодня в своего рода тупиковый лабиринт. Придется попытаться найти какой-нибудь выход, чтобы не парализовать начатый процесс.

Не годится, чтобы текст, в который внесены поправки Генеральными кортесами, напрямую был представлен на референдум, поскольку это был бы не тот текст, который одобрил каталонский парламент. Также не годится, чтобы Генеральные кортесы возвращали текст с их новыми предложениями, уже однажды одобренный с поправками, каталонскому парламенту для повторного одобрения уже этого, измененного текста. Ведь статья 56, пункт 2 статута запрещает, чтобы предложение реформы вновь было представлено на обсуждение, пока не пройдет год, «если оно не было одобрено Генеральными кортесами». Именно это и произошло бы, если бы предложение, исходящее от каталонского парламента, было изменено кортесами. То есть поправка не соответствует утверждению текста в его первоначальной редакции. Это понятно, если изменения незначительны и затрагивают лишь несколько статей.

Кортесы не могли бы, таким образом, вносить поправки, а должны были бы принимать или отклонять целиком предложение. Или, чтобы быть более точным, если кортесы хотят, чтобы статут дошел до своего утверждения, они не могут исполнять свое право вносить изменения, поскольку, если они это сделают, процесс одобрения текста не может быть успешно завершен.

Эта абсурдная ситуация, спровоцированная одной, довольно негибкой, хотя и достаточно преднамеренно установленной статьей (статья 56 статута Каталонии), потребовала бы или предварительного изменения этой статьи, или предварительного обсуждения предложения реформы, которое дошло бы до конгресса, обеими сторонами. Оно должно было бы быть обсуждено Генеральными кортесами и каталонским парламентом — в органах, имеющих надлежащую компетенцию, таким образом, чтобы прохождение документа в кортесах означало утверждение предложения, сформулированного неформально всеобщим согласием. Если бы это не было сделано, потребовалось бы найти формулы, позволившие бы избежать тупика, в который могла бы попасть реформа статута.

Решение возникшей проблемы стоило бы начать с того, чтобы найти формулы, к примеру, для предварительной реформы статьи 56 статута Каталонии и только этой ста-

ты, предварительной потому, что она предшествовала бы глубокой реформе. И она состояла бы в том, чтобы разрешить именно делегации каталонского парламента достичь договоренностей в лоне самой процедуры перед Конгрессом депутатов по окончательной формулировке статута. Договоренности эти, естественно, возлагали бы ответственность на предлагающий реформу законодательный орган (то же самое должно было бы быть предусмотрено в случае, если бы инициатива исходила от Генеральных кортесов). С такой реформой, вдохновленной частично статьей 151, пункт 2 Конституции Испании (но без необходимости ее копирования целиком), а также духом, который, похоже, несет в себе вышеназванная статья 56 статута, была бы исключена нынешняя необходимость отслеживать, чтобы одобрение документа каталонским парламентом и кортесами касалось одного и того же текста.

Ни от кого не укрылись политические трудности, с которыми столкнулась эта предварительная реформа, состоящие в том, что она подразумевает мгновенно приостановить нынешнее предложение реформы, пока не будет утвержден предварительный вариант статьи 56 статута. Но было бы хуже, если бы было решено продолжать процесс со страусиной стратегией, допуская, что могут быть внесены поправки — как это и произойдет, — которые заблокируют процесс и исключат возможность завершить модификацию статута, как и возможность повторно инициировать реформу в течение года, поскольку статут не будет одобрен Генеральными кортесами в его первоначальной редакции.

Предварительная реформа, которая предлагается, могла бы быть очень быстрой в том, что касается законодательных органов, поскольку не должны были бы возникнуть трудности с тем, чтобы достичь согласия по реформе как для ее утверждения в Каталонии, так и для ее утверждения в Генеральных кортесах. Процесс мог бы занять всего несколько месяцев. Она гарантировала бы также более четкое, определенное прохождение по инстанциям, и возможность достичь согласия по окончательной формулировке статута, которого нет в настоящий момент. Единственной трудностью был бы созыв дополнительного и необходимого референдума по вопросу об изменении вышеназванной статьи.

Таким видится наиболее ясное решение поднятой проблемы. Хотя нельзя игнорировать, в качестве альтернативы этой формуле, возможность того, чтобы это воспринималось так, как будто текст, в который внесены поправки Генеральными кортесами, равнозначен отказу от первого текста — текста, направленного каталонским парламентом. Но в то же время это означало бы, что это инициатива, отличная от первой, и совершенно новая реформа, хотя и исходящая от Генеральных кортесов. И о ней как о новой и совершенно отличной от первой инициативе кортесов, мог бы высказаться каталонский парламент, чтобы принять ее или отвергнуть, но не вносить в нее поправки. Чтобы принять ее или отвергнуть целиком, парламент мог бы высказаться, поскольку он бы принимал решение по совсем другой инициативе, отличной от первоначальной, и поэтому у него не было бы временных ограничений в один год, установленных статутом. При внесении поправок в документ, напротив, возникло бы больше проблем, что поправку в тексте, исходящую от каталонского

парламента, направленную кортесам, можно было бы расценить как новую инициативу. И такое не может происходить, пока не пройдет год с момента одобрения первой инициативы.

Не вдаваясь в детали расчетов этого года (с сентября 2005 года или с момента, когда текст будет отвергнут кортесами или когда в него будут внесены поправки), следует сказать, что такая вторая альтернатива ни в коей мере не является внедрением механизма, который бы позволил формально дать окончательную формулировку тексту всеобщего согласия, без необходимости бесконечно возвращаться к текстам одной или другой стороны. И нет ничего более необходимого, чем найти способ, чтобы законодательные органы не остались изолированными в водонепроницаемых отделениях в попытках реформировать статут. Изоляция абсолютно не способствует тому, чтобы облегчить достижение согласия в формулировке нового статута в рамках конституции.

Воля к согласию, которая господствовала в переходном периоде и во время одобрения статута Каталонии 1979 года, в праве иметь надежду на установление направлений, подобных вышеизложенным предложениям — особенно первому, — которые сделали бы жизнеспособной формулировку реформы статута, при всеобщем согласии в рамках конституции.

*Статья была опубликована в газете El Pais 21 октября 2005 года.
Автор — профессор административного права Университета Карлоса III.*

РАВЕНСТВО — ЭТО НЕ ЕДИНООБРАЗИЕ

Ведущая мысль значительной части критики проекта статута Каталонии состоит в том, что в нем предусматриваются изменения в территориальном разделе политической власти в одностороннем порядке, без учета интересов всего государства. При этом предопределяются рамки неравенства или асимметрии в том, что касается полномочий, финансирования, прав и обязанностей, что было бы закреплено признанием Каталонии в качестве нации. Эти аспекты, парируют критики, нарушают конституцию и посягают на всеобщие интересы. Если бы подобные утверждения были верны, то в процессе реформы статутов не было бы иного выбора, кроме как расчленение или территориальная модель с ксерокопированными статутами. Создается впечатление, что правым силам не важен ни накопленный опыт Испании, где сосуществовали различные ритмы, или уровни самоуправления, ни богатый опыт федеральных моделей. В целом такая критика ограничивается вопросами определения Каталонии как нации, прав и обязанностей, полномочий и финансирования. Но давайте рассмотрим проект по частям. Определение Каталонии как нации не является антиконституционным, поскольку не ставит вопрос о суверенитете, а может быть истолковано в культурном, историческом и даже политическом смысле без того, чтобы ставился вопрос о формировании собственного государства. Согласно новому статуту, Каталония остается в рамках автономного сообщества в соответствии с конституцией. Сам факт провозглашения Каталонии нацией не содержит в себе никаких привилегий, а лишь применяет Конституцию Испании, статья 147, пункт 2 которой устанавливает, что в статутах автономий может быть зафиксировано то определение сообщества, которое наилучшим образом соответствует его исторической сущности¹.

Правые силы утверждают, что статут устанавливает закрытую модель общества и подразумевает привилегии для граждан Каталонии. Статут устанавливает модель, отражающую приоритетные ценности каталонского общества, позволяя при этом применить различные политические проекты. Статут — это не просто список полномочий и упорядочение институтов. Он включает в себя социальное и гражданское измерение, признавая права семьи, меньшинств, молодежи, женщин, рабочих или бедных, а также права и обязанности в области защиты окружающей среды, образования, здравоохранения, культуры или жилья. Это каталог прав, который не ущемляет равенство между гражданами государства, ибо ничто не препятствует тому, чтобы все сообщества ввели в своих статутах раздел о правах и обязанностях, если только речь в них пойдет о материях, которые находятся в собственной компетенции автономии, как в случае со статутом Каталонии.

¹ Согласно статье 147, пункт 2 Конституции Испании, «статуты автономии должны содержать: а) название автономного сообщества, наиболее отвечающее его исторической идентичности; б) определение границ его территории; в) название, структуру и местопребывание собственных автономных учреждений; г) полномочия автономного сообщества в рамках конституции и основы для передачи ему соответственных служб».

Логично, что испанские правые — скорее неолиберальные, чем либеральные, считающие, что экономические факторы должны регулировать процессы в обществе в соответствии с властвующей по ту сторону Атлантики моделью, — возражают против раздела о правах и обязанностях, но, напротив, включение этого раздела поддерживают те, для кого примером являются наиболее продвинутые общества Европы.

Опыт этих 26 лет автономии обнаружил, что одной из основных проблем развития самоуправления является постоянная интерференция государства, расщепившего полномочия собственно автономий, исходя из понятия и расширительной практики государственного законодательства. Эта практика постепенно опустошала суть самоуправления и сужала границы его действия.

Методология, использованная в новом статуте, не очень удачно прозванная «бронированием» полномочий, состоит в том, чтобы уточнить их исключительный, разделительный и исполнительный характер, детализируя разделы и подразделы, решать которые у Женералитата есть право, чтобы избежать урезания функций самоуправления, от которого мы страдали. Речь идет, к примеру, о том, что, если какое-то полномочие является исключительным, оно должно им быть на деле. В статуте содержится также требование, через дополнительное распоряжение, передать согласно статье 150, пункт 2 Конституции Испании² полномочий в области иммиграции, управления портами, аэропортами и телекоммуникациями, что является стратегически важным для Каталонии.³ Означает ли это одностороннее противопоставление Каталонии остальному государству? Нет, во-первых, потому, что все статуты — это оговоренные нормы. Парламент Каталонии, как и парламенты других автономий, принимает проект статута, который должен обсуждаться и утверждаться в кортесах и затем выноситься на референдум. Таким образом, речь идет о норме, согласованной в двухстороннем порядке между автономиями и государством, а не об одностороннем противопоставлении, во-вторых, потому, что конституция предусматривает открытое толкование того, что входит в круг полномочий, оставляя возможность совершенствования системы их распределения в статутах.

Что касается финансирования, то у нас в Каталонии полное единодушие, основанное на очень квалифицированных исследованиях, в том, что это одна из основных проблем нашего самоуправления. Принципы, которые предлагаются в статуте как основа темы финансирования, — это финансовая автономия, координация, солидарность и прозачность. Нормативные функции Женералитата в этой области, согласно проекту статута, будут осуществляться в рамках компетенции государства и Евросоюза. И, в противоположность некоторым заявлениям, Каталония берет на себя свои обязательства как перед государством, так и перед остальными автономиями. Мы лишь требуем, чтобы нормы территориального единства, солидарности были известными и прозрачными, в отличие от того, что происходит сегодня. Кто-нибудь знает, какая форма, гарантирующая территориальное единство Испании? Статут предлагает

² Статья 150, пункт 2 Конституции Испании гласит: «Государство может передавать или делегировать автономным сообществам посредством принятия органического закона осуществление полномочий, относящихся к предметам государственного ведения, которые, в силу своей природы, могут подлежать такому переводу или делегированию. В каждом случае закон предусматривает передачу соответствующих как финансовых средств, так и способов контроля, которые государство оставляет за собой».

³ Согласно статье 140 окончательного варианта нового статута Каталонии, Женералитату переданы полномочия по управлению портами, аэропортами и другими транспортными инфраструктурами, а также телекоммуникациями на территории автономии.

на деле справедливую и действенную систему: справедливую, поскольку устанавливает, что при одинаковом налоговом вкладе все граждане государства должны иметь доступ к одним и тем же услугам, гарантируя вклад ресурсов со стороны Женералитета в механизмы солидарности, чтобы этот принцип выполнялся; и действенную, поскольку устанавливает соответствие между налоговым вкладом и доходами: при большем налоговом вкладе — большие доходы.

Может ли все это привести нас к 17 автономным моделям самоуправления? Не обязательно. Каталония не ищет привилегий, а хочет улучшить свою систему самоуправления, и это улучшение, при хорошем раскладе, может быть обобщено для остальных автономий. Равенство и разнообразие — это не противоположные идеи, если под равенством не понимается единообразие. В последние годы в федеральных моделях наблюдается тенденция к возврату власти объединенных обществ и разнообразия полномочий, исходящих из общего корня, с целью дать ответ совершенно разным национальным, демографическим, социоэкономическим, географическим реальностям. В ходе дискуссии по статусу становятся очевидными уровень реальной автономистской воли политических сил государства, когда принимается или не принимается во внимание более благоприятствующее самоуправлению разделение политической власти, и уровень демократической культуры, который можно считать достаточно высоким, если раз и навсегда будет в полной мере принято разнообразие национальных реальностей, составляющих Испанию.

Нам следовало бы принять во внимание и другой опыт, например, Канады, с ее федеральной демократической культурой, намного более укоренившейся, чем у нас. Стефан Дион, канадский либеральный министр межгосударственных отношений, когда провинция Квебек просила признать ее иной общностью, заявил, что все десять провинций одинаковы в том смысле, что в Канаде есть лишь один статут провинции. И эти два понятия — исключительный характер Квебека и равенство провинций — не будут противоречивыми с того самого момента, когда будет признано, что равенство не есть синоним единообразия в Канаде. Равенство должно идти в паре с глубоким уважением всего того, что составляет канадское разнообразие. Нам хотелось бы, чтобы у тех, кто в Испании считает себя либералами, был бы такой же демократический федералистский дух.

Вызов Испании состоит в том, чтобы признать разнообразие — разнообразие национальных идентичностей и разнообразие стремлений к самоуправлению. Каталония не чинит препятствия тем сообществам, которые хотели бы добиться той же степени самоуправления. Распространение автономий оказалось полезным во всем мире, но это не может превратиться в повод для урезания законных и конституционных устремлений Каталонии.

Как стало очевидным в течение всех этих месяцев, различные автономии, в которых идет реформа статуса, не выразили даже стремления к самоуправлению. Это не плохо и не хорошо, это просто реальность.

Статья была опубликована в газете El Pais 27 декабря 2005 года.

*Автор — советник Женералитета
по институциональным отношениям и участием
и президент объединения «Ицициатива за Каталонию — партия «зеленых»».*

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ УСТОЯЛ

Для европейского наблюдателя в целом и французского в частности образ Каталонии в лоне Испании своеобразен. Все знают в общих чертах, что из-за ее культурных и главным образом языковых особенностей сложно рассматривать Каталонию как еще один регион, то есть как нечто, до чего официальная политика времен франкизма ее принижала. Эти особенности идут издалека. Уже более века назад местная буржуазия патронировала перевод на каталонский язык классиков, преобразовывала Барселону, превращая город в центр артистических, архитектурных, изобразительных и музыкальных мероприятий. В целом она собрала лучшие черты и достижения Каталонии в образ, который создавала и Европа. И это было возможно потому, что в создании образа большое значение имели социальные основы. Просто-напросто казалось, что Каталония избежала слабости, близкой к грусти, которая наводняла Испанию из-за ее экономического и военного упадка, как и из-за ее маргинализации по отношению к европейской культуре. Глубоко аграрная Испания, за редким исключением, каким является Страна Басков, казалось, отражалась в стихах, в которых Антонио Мачадо¹ описывал Кастилию: отверженная, только вчера владычица, завернутая в свои лохмотья и презирающая все, что она не знает.

Культурное отличие Каталонии привело, в годы Республики, к институциональному признанию, которое нашло свою форму в статуте, дарованном ей в свое время, как и Стране Басков и Галисии.² Затем наступили Гражданская война и темные годы франкизма. В отсутствие договора с новым режимом — несмотря на согласие широкого сектора каталонской буржуазии, подверженной настоящей шизофрении между экономическими интересами и тем, что франкизм представлял в культурном плане, — аспекты, которые, как казалось, характеризовали Каталонию, стали объектом систематических гонений. Если быть конкретнее, каталонский язык был совершенно исключен из официального использования и ограничен исключительно домашней сферой. Допускались лишь те элементы культуры, которые можно было отнести к фольклору, такие, как традиционные каталонские танцы и музыка, признанные официальной пропагандой и допущенные на региональных мероприятиях в единой Испании.

Параллельно, в экономическом плане, Каталония продолжила свое развитие, и оно подчеркивало ту социальную пропасть, которая отделяла ее от остальной страны. В 1950-х годах, несмотря на то что франкистский режим был вполне сплоченным, произошел исход сельских жителей Испании в северные индустриальные зоны, в основном в Каталонию и Страну Басков. Тогда случилось культурное столкнове-

¹ Антонио Мачадо (1875–1939) — испанский поэт, автор, в том числе, сборника стихов «Поля Кастилии» (1912).

² Речь идет о статутах, которые Каталония, Страна Басков и Галисия получили в 1930-е годы при республиканском правительстве.

ние, наподобие того, что происходило в те же годы в Италии, воскресенной, в такой волнующей манере, в фильмах Лукино Висконти. Между Альмерией и Барселоной была такая же экономическая и культурная пропасть, как между полуднем из фильма Висконти «Земля дрожит» и промышленным Миланом из его же фильма «Рокко и его братья», к тому же с языковой разницей, которая, как выяснилось позже, оказалась решающей.

В Каталонии эмигранты с юга неизбежно становились жертвами обид, которые фабричная Европа приберегала для детей аграрной Европы, — насмешек и притеснений, сегодня так часто проявляющихся в отношениях между гражданами Европейского союза и гражданами юга Средиземноморья. Но в Каталонии в то время это презрение, оформленное в термин *charnego*, усматривало, для некоторых, полумеру в том, что увеличение количества иммигрантов, говорящих на кастильском языке, — обработанных франкистской политикой — сокращало объективно возможность каталонским языку и культуре восстановить свое утерянное социальное присутствие.

Вследствие этого уроженцы остальной Испании, одновременно обесцененные в силу своей экономической неустойчивости и обвиняемые в том, что они угнетатели, представляли как инструменты культурной репрессии всего народа. Объективное прегрешение, за которое в конечном счете был ответственен режим, неизбежно оставило глубокий след в душах жертв.

Но те, кто в Каталонии был однажды назван «другие каталонцы», — и следует подчеркнуть термин «каталонцы», поскольку речь шла о первой попытке сближения, — не могли игнорировать тот факт, что каталоноязычное население всего лишь сопротивлялось, борясь различными способами за то, чтобы восстановить политические условия не плодovitости их культуры, а ее выживания. Именно так генеральное сражение Испании против франкизма пополнялось, истинной диалектикой, имеющей целью избежать разделения двух сообществ.

Гражданам Испании следовало бы взять на себя заботу о полном восстановлении каталонского языка и в целом каталонской культуры. Эта открытость душе другого, начиная со своего языка, имеет большое значение — не только в Каталонии, но и в Стране Басков, — чем проблема того, принять или нет национальную идентичность Каталонии. На самом деле есть причины думать, что смерть языка — это нечто более конкретное, более трагичное, чем просто некое отвлеченное понятие, столь часто устанавливаемое государством или родиной. Поскольку разнообразие языков предполагает у них у всех определенную двусмысленность (двузначность) и произвольность лингвистического перечня, в них отсутствует подражание (миметизм) по отношению к природе, и в целом их глубинные различия касаются знаковых кодов. Отсюда исходит следующий парадокс: языки являются взаимозаменяемыми *salva veritate*. Однако в каком-то смысле, если исчезает один из них, создается впечатление, что наступает смерть всей речи, как в случае с людьми, поскольку не может быть человечества без индивидуума.

Если двадцать пять лет назад восстановление каталонского языка и культуры не представлялось пересмотром всеобщих ценностей, вполне законных, связанных с определенной идеей Испании, сейчас кажется, что мы к этому вернулись. Вот

уже два года как Хосе Мариа Аснар, тогда председатель правительства, давал урок испанскому предпринимательскому классу, чтобы он встал на защиту единства Испании. Поскольку никто не предполагал ставить под сомнение единство рынка — дело, к которому хозяева в особенности должны были бы быть чувствительны, — это явно скрывало нечто другое.

Призрак потери общих связей в культурном и символическом плане вернулся. Это не касалось только испанских правых националистов: в унисон заявлениям Аснара глава автономного сообщества Эстремадуры, социалист, утверждал в одной аналитической статье, что возможный суверенитет Страны Басков или Каталонии неприемлем не только по историческим причинам, но и по «сентиментальным» (обратите внимание!) причинам. Это ключевое слово оказывается неожиданным в устах политического руководителя.

Проявления политической, культурной и языковой идентичности, исходящие от граждан сообщества, были бы недопустимы, поскольку они оскорбляли бы наши «чувства». Не идет ли здесь речь скорее о нашей озлобленности?³ Такие политики не думают, что начинают с нуля. Есть причины, которые определяют их позицию и два повода, которые их подпитывают. Возьмем в качестве примера жалкие дебаты по поводу Франкфуртской книжной ярмарки, для которой один чиновник от культуры предусмотрел презентацию Каталонии, состоящую исключительно из книг авторов, пишущих на каталонском языке. Это была претензия на то, чтобы уклониться от упорной реальности, поскольку значительная часть книг каталонских авторов была написана на испанском языке.

Но иногда изобличение столь неприемлемого факта служит оправданием для того, чтобы не признавать, что в городе Барселоне сегодня каталонский язык ни в коей мере не является на деле угрозой испанскому языку. Любопытно, что некоторые вполне готовы к тому, чтобы принять административные законы «положительной дискриминации» (*discrimination positive*), когда речь идет об участии женщин в правительстве, но тем не менее показывают себя радикально щепетильными в час, когда надо принять ту же логику по отношению к языкам, которые, если их оставить на произвол закона языкового рынка, закончат тем, что будут стерты. Не факт, что таким был бы случай с каталонским, но это точно случай с баскским языком. Давайте скажем это со всей откровенностью, вне всякой идеологии или добрых чувств: объективная ситуация с испанским языком — и культурой, которую он передает, — делает невозможным, чтобы периферические языки Испании ее маргинализировали.

Отойдя от франкизма, следовало бы наметить договор о совместимости каталонской культурной идентичности (в первую очередь ее языка), идентичности испанцев из других регионов и идентичности новых иммигрантов, у которых тоже есть свои собственные культурные проявления. Мы оказались бы в условиях, когда надо было бы взяться за другие вопросы, которые кажутся отложенными навечно, если только нет интереса к тому, чтобы это было по-другому, поскольку хорошо известно, что тот, кто навязывает свои проблемы, предопределяет в некоторой степени наш мир. В статье одного из каталонских законов говорится, что каталонский — это соб-

³ Игра слов: *sentiment* (чувство, понимание) и *ressentiment* (злопамятство, озлобленность) (франц.).

ственный язык Каталонии, при этом добавлено, что «кастильский тоже им является». Речь идет не об изменении этого высказывания, но о достижении того, чтобы фактически, если мы реально исповедуем демократические ценности, в Каталонии, как и в Испании, другой язык был бы, по крайней мере, уважаем, будучи собственным языком.

Статья была опубликована в газете Le Monde diplomatique в январе 2006 года.

Автор — профессор Автономного университета Барселоны.

ИМПЕРИЯ И СВОБОДА

Испанский либерализм всегда тяготел к объединению государства, нации и демократии. Традиционно поддерживалось мнение о том, что нужно было создать мощное испанское государство для того, чтобы уже из недр его построить прочную испанскую нацию, что только в испанском национальном государстве мог сформироваться суверенный субъект для демократии. Но такая точка зрения не соответствует действительности. Государство, нация и демократия — это три совершенно разных понятия, которые не всегда идут вместе. Как хорошо известно, есть мощные и устойчивые государства, которые не построили нацию, а являются многонациональными государствами. Таким же образом и демократия существовала и существует вне рамок национального государства. Европейский парламент, например, — это демократический институт, но он не базируется на одном государстве. Со своей стороны, парламент Каталонии, как и ассамблеи других автономных сообществ и десятков других территорий Европы, тоже представляет собой демократический институт, но он также не соотносится с государством.

В Европе Испания — это наиболее явный пример неудавшейся попытки строительства национального государства. Кастильское ядро исторически было слишком мелким и относительно слабым для того, чтобы создать национальное государство под своим языковым и культурным патронатом, способным ассимилировать совокупность народов на этой территории. Территориальная унификация Испании в значительной степени отстаёт от таковой французского государства и от ассимиляции, достигнутой другими крупными странами Европы.

В течение долгого времени отношения Каталонии и Испании строились на принципах «империи и свободы», по определению историка Жауме Висенс-Вивеса.¹ То есть «империи» в коллективном образовании в Европе и Америке и «свободы» во внутренних делах, которыми в Каталонии ведали собственные представительные институты на основе кортесов и Женералитата. Во многом именно распад испанской империи в течение XIX века привел к тому, что проект создания испанского национального государства потерял привлекательность и поддержку. Политический каталонизм возник тогда как поиск альтернативы краху и осознанию провала испанского здания и взял курс на построение альтернативной каталонской нации, каталонского государства и даже каталонской империи.

Возможно, самым непредвиденным явилось то, что учреждение, впервые в истории, продолжительной демократии в Испании не приводит к укреплению национального

¹ Жауме Висенс-Вивес — каталонский историк, автор термина «поколение 1898 года», основатель каталонской исторической школы.

государства. Возможно, одним из критических моментов в строительстве испанского национального государства стал переходный период 1976–1980 годов. В эти годы произошли важные события:

- укрепление центрального государственного аппарата посредством увеличения общественных расходов и числа функционеров администрации, что продолжалось в 80-е годы;
- довольно высокая языковая и культурная однородность в пользу кастильского языка как следствие принуждений, запретов и преследований в годы продолжительной диктатуры;
- новое демократическое узаконение государства, воплощенное в Конституции 1978 года;
- большая международная изоляция, длившаяся долгое время, вне структур НАТО и ЕС, что благоприятствовало самоанализу.

В начале XXI века эти процессы существенно изменились. Демократия в Испании расплыла государство сверху вниз. В результате интеграции в различные международные объединения, включая НАТО и Европейский союз, испанское государство уступило большую часть властных полномочий, с помощью которых в свое время оно заложило основы своего суверенитета: оборона, границы, таможня, денежная единица и значительная часть экономической политики и другой общественной деятельности. С другой стороны, демократия также привела к утверждению и росту требованиям самоуправления со стороны малых наций, таких, как Каталония и Страна Басков, и других сообществ, которым государство уступило полномочия, среди других, в области обороны, образования, здравоохранения, общественных работ и налогообложения. Культурное и языковое разнообразие Испании расширилось, но в то же время ослабло чувство того, что ты являешься частью испанской нации, на благо автономным образованиям. Длительный демократический период, привел к осознанию того, что испанское государство уже не то, что было раньше, и уже не будет тем, чем могло бы стать: суверенным национальным государством по вестфальской или французской модели.

То, что есть сегодня в Европе, частью которой является Испания, — это многоуровневая демократия, в которой властные полномочия разделены и распределены, и ни у кого нет реального и эффективного суверенитета. На разных уровнях действуют, и по меньшей мере перекрестываются: Европейский союз, который является демократией имперских размеров; государства, как испанское, которое по сути является многонациональным и стремится организовать по федеральному принципу; самоуправление касающееся свободы наций, таких, как Каталония и многие другие. Сегодня нет, таким образом, единственного источника эффективного суверенитета, который позволил бы установить линейную иерархию властных полномочий, а есть разнообразие юрисдикций.

Каталония, таким образом, находится перед новым удобным моментом «империи и свободы». И именно принадлежность к Европейскому союзу открыла новые воз-

возможности и ожидания самоуправления. Каталония, как и любое другое сообщество, может сегодня развивать многосторонние отношения: не только с центральным правительством испанского государства, но и с другими автономными образованиями, как и с центральными инстанциями Евросоюза в Брюсселе и, в Европе без границ, с остальными государствами и регионами союза. Для того чтобы эти многосторонние отношения могли процветать, требуются, тем не менее, институциональные правила, которые бы приняли все заинтересованные разнообразные политические единицы. Лишь в соответствии с согласованными правилами государства, нации и империи могут сотрудничать и принимать коллективные решения на общее благо. Таким может стать глубинный смысл нового статута Каталонии.

*Статья была опубликована в газете El Pais 15 января 2006 года.
Автор — профессор в области исследования политических наук
Верховного совета научных исследований
(Consejo Superior de Investigaciones Cientificas, CSIC)
и профессор экономики Университета Помпеу Фабра (Барселона).*

КАТАЛОНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ИСПАНИИ

Некоторые каталонские интеллектуалы и политики удивляются отсутствию поддержки, с которым столкнулся в либеральном и прогрессистском общественном мнении недавний проект статута. Я попытаюсь дать объяснение этому прохладному приему, опираясь не столько на специфические требования, содержащиеся в тексте статута, сколько на языковые обороты, на видение мира, которое обнаруживается в тексте и которое, мне кажется, вписывается в мыслительные схемы наиболее классического национализма.

Ограничившись преамбулой и первыми статьями статута, имеющими, в конечном счете, наибольшее символическое значение, я обнаруживаю в тексте проекта статута постоянное присутствие заглавной Каталонии, идентичной себе самой, обремененной «историческими правами», всегда обиженной «Испанией» и одновременно непроницаемой для любого испанского влияния. Создается впечатление, что авторы текста — не депутаты, которые его редактировали и одобрили, а сама «Каталония», духовное существо, которое «создало язык и культуру», «структурировало пейзаж» на этой части планеты. Текст напоминает речь епископов, когда они представляют свои требования от имени «Бога». Но у церкви есть, по крайней мере, спущенные «с неба» тексты, которые они используют как оружие, для того чтобы говорить от имени небесных существ. Национализм этим не располагает, но он укореняется во вневременном мире с той же сноровкой.

Каталония тоже видит себя изображенной как живой организм, наделенный волей и способностью к рассудительности: «Каталония считает..., хочет..., выражает свою волю к...». Это возвращение к *Volkgeist*,¹ к коллективным душам, к национальным характерам, к органичному видению обществ, свойственному романтизму середины XIX века. Поразительно то, что в начале века XXI 89% депутатов каталонского парламента подписываются под этой манерой понимания мира.

Удивляют также отсылки к истории как узаконивающей этот политический проект. Это «обрезанная» история, заинтересованная только в том, чтобы оправдать существование непрерывной национальной идентичности. Было бы более точным сказать, что институты Старого Режима защищали корпоративные привилегии и не имели ни малейшего «национального» содержания (кто думал тогда о «суверенных народах»?). Помимо фальсификации истории такая постановка вопроса является радикально антидемократической, поскольку заставляет нынешних и будущих граждан Каталонии быть «верными прошлому», этому идеализированному и каменному прошлому националистов. Хуже всего прибегать к истории от имени прогрессивных идей, поскольку как просвещенные люди, так и антиабсолютистские революционе-

¹ *Volkgeist* — в переводе с немецкого «дух народа».

ры были врагами законных прав, производных от истории. Они хотели, именно *выпрямить (исправить) историю* от имени *разума*, уничтожить ошибки и предубеждения, унаследованные от «темных веков».

С другой стороны, текст преисполнен плохо скрываемой враждебностью по отношению к Испании. Само слово «Испания» едва упоминается, разве что для того, чтобы определить ее как «многонациональное государство» или чтобы сослаться на «народы Испании». Это примечательная дерзость, когда пользуешься текстом о самом себе, чтобы давать определения другому. Излюбленный термин статута, когда неизбежны намеки, — это «государство», даже без прилагательного «испанское». И говорится также, что «политическое и географическое пространство сравнения для Каталонии» — это Европейский союз, без упоминания Испании даже в качестве промежуточной ступени. Все это исходит из желания игнорировать Испанию, если не открытую неприязнь к ней. Можно ли удивляться тому, что те, кто ощущает глубокую чувствительную связь с Испанией, чувствуют себя оскорбленными?

Все было бы по-другому, если бы предварительные речи были такими, какие мы привыкли слышать из уст Марагалла² или какие используют некоторые защитники этого проекта перед Конгрессом депутатов, полные заверений в симпатии или братских отношениях с Испанией или в намерении внести вклад в общее демократическое будущее. Ничего такого в тексте статута нет.

И, наконец, трудно избежать ощущения того, что в таких требованиях, какие содержатся в этом тексте, есть некое лицемерие (двусмысленность). Некоторые защитники статута говорят, что речь идет лишь о поисках формулы сосуществования, которая позволила бы каталонцам почувствовать себя «уютно» в Испании, интегрироваться лучшим образом в этом союзе. Но другие идут еще дальше и заявляют, что это всего лишь первый шаг к суверенитету. Националисты связывают нацию с суверенитетом, хотя в тексте этого нет, и я считаю законными эти конфедерационно-индепендентские намерения. Но нельзя подписывать текст, который содержит в себе, самым лицемерным образом, два совершенно различных проекта.

Это некоторые причины, объясняющие прохладный прием, оказанный проекту в кругах, которые в прошлом могли бы симпатизировать каталонским требованиям. Националистические требования утомили испанское общественное мнение, которое к тому же обнаруживает в них некоторую искусственность. Каталонское гражданское общество, согласно опросам, обладает некоторым уровнем националистической приверженности, значительно меньшим, чем у его политических представителей. Это, пожалуй, означает, что больше, чем подлинный социальный или культурный конфликт, это беспрестанное и растущее утверждение идентичности включает в себя интерес к тому, чтобы *создать* конфликт, чтобы отметить, сохранить за собой и расширить собственные пространства для властвования.

Реалистический и честный поиск формулы сосуществования для Испании должен исходить не из признания «наций, которые составляют это государство», а из сложности современных обществ. Это означает, что граждане обладают сегодня много-

² Паскуаль Марагалл — действующий президент Каталонии.

образной идентичностью (местной, региональной, национальной, европейской...) и что культурное многообразие затрагивает *всех* (не только центральное государство). Это означает в целом отказ от национализма, поскольку националист верен единственной идентичности или несравнимо более значимой идентичности, чем другие. Его мечта — это общества культурно однородные и политически суверенные. В той стране и в тот момент, который мы переживаем, такая формула сосуществования проходит через укрепление существующей автономной организации, возможно, продвигаясь к полноценной федеральной модели. И пусть пройдет время, чтобы граждане привыкли к сложным властным инстанциям, среди которых государство будет одной из них, постепенно растворяющейся в контексте, стремящемся к чему то сверхгосударственному.

Мы, кто столько наблюдал за нашей космополитичной и современной культурой каталонцев, ждем от них более утонченного предложения, проекта, совместимого с множественными идентичностями, со ссылками на законы, гарантии и свободы, на международный контекст, а не на исторические права, органические сообщества и метафизические существа. Поэтому нас разочаровывает тот текст, который лежит у нас на столе.

Статья была опубликована в газете El Pais 15 января 2006 года.

*Автор — профессор истории факультета
политических наук Университета Комплутенсе.*

Руководит Центром политических и конституционных исследований.

СТАТУТ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Для подавляющего большинства испанцев, порядка 70%, согласно некоторым обнародованным опросам, Каталония не является нацией, в то время как для 23% она ею является. Проценты значительно отличаются среди граждан каталонской автономии: около 40% придерживаются такого же мнения, как и большинство по Испании, в то время как 50% граждан считают Каталонию нацией. Эти цифры подразумевают, что, по крайней мере, 40% каталонцев чувствуют себя испанцами и охотно принимают нынешнее разделение полномочий. С другой стороны, есть существенная часть каталонских националистов, возможно, более половины, для которых быть нацией несовместимо с существованием каталонской автономии, интегрированной в Королевство Испания, и которые стремятся провозгласить независимую республику, как уже однажды случилось в 1931 году¹.

Явное разделение мнений, которое мы наблюдаем в каталонском обществе по вопросу «природы» Каталонии, возникло не сегодня. В значительной степени это зрелый плод вековых обид и столкновений — иногда реальных, в других случаях выдуманных — между элитами, которые удерживали власть в Испании начиная с XVIII века и которые стремились создать независимое государство Каталонию. С другой стороны, нынешнюю ситуацию нельзя объяснить без присутствия миллионов испанцев, которые, будучи привлеченными возможностями получения работы и более высокого уровня жизни, эмигрировали в Каталонию и сохранили живым свой язык, испанский, и свое чувство принадлежности к Испании. Мы уже не раз слышали жалобы почитаемых националистов, отличающихся большим тактом, на угрозу, которую представляют испанцы для выживания каталонской идентичности. Правда и то, что без присутствия эмигрантов в Каталонии раздробление националистического населения было бы сегодня более широким, чем нам это демонстрируют опросы.

Конституция 1978 года² открыла путь для достижения стабильного включения Каталонии в лоно демократической Испании. В 1979 году был принят ныне действующий статут, который признавал наиболее выдающиеся особенности Каталонии и предоставлял нарождающейся каталонской автономии политические и административные полномочия, о которых всего несколько лет назад нельзя было и помышлять. Перед лицом этой новой исторической реальности каталонские националисты могли бы посчитать решенным конфликтное прошлое и с энтузиазмом принять включение Каталонии в новую, децентрализованную и демократическую Испанию. Вместо этого они предпочли вернуться к раздуванию своими сектантскими речами

¹ В апреле 1931 года, вслед за провозглашением Испанской республики, было объявлено и о создании Барселонской республики. Спустя несколько месяцев Женералитат Каталонии принял демократический статут республики.

² Конституция 1978 года — первая демократическая конституция, законодательно закрепившая деление Испании на автономные образования.

различных фактов, воскрешая обиды, которые эмиграция и мирное сосуществование дезактивировали. Они предпочли стереть пыль с мадридской марионетки, чтобы символизировать центристское угнетение, виновное почти во всех бедах, от которых мучается Каталония. И, наконец, они превратили свои сепаратистские стремления в конечную цель своей политической стратегии. Все, что случилось, тоже не является таким уж неожиданным, поскольку черта, характеризующая хорошего каталонского националиста, — это его вера в неопровержимый принцип, из которого следует неоспоримое «право»: Каталония — это нация, и как таковая она должна выстроиться в независимое государство.

По этому я скептически отношусь к возможности не только переубедить, но хотя бы объяснить каталонским националистам правомерность и достоинство позиции тех граждан, которые живут в Каталонии и хотят продолжать быть испанцами. Эти каталонцы во многих случаях сводят свои устремления к тому, чтобы Европейский союз с каждым разом становился все более открытым и многокультурным. Каталонских националистов не интересует наше мнение, и, что хуже всего, они его замалчивают, как только возможно. Уже давно считать себя испанцем или высказываться на испанском (кастильском), родном языке 50% каталонцев, считается плохим тоном в любой официальной среде Каталонии и во всех сферах гражданского общества, контролируемых длинной рукой автономного правительства, на собраниях представителей и в муниципалитетах. Если вы будете смотреть по общественному каталонскому телевидению передачу, призванную информировать зрителей о погоде, вы узнаете о завтрашней температуре в Варшаве, но никогда не узнаете о температуре в Мурсии или Сарагосе. И тем хуже для вас, как, по-видимому, думают ответственные в этом учреждении, если вы родились в Мурсии или Сарагосе, а не Варшаве или просто собираетесь их посетить. Полное отсутствие метеорологических символов или слов в пространстве вне географического треугольника, очерчивающего границы территории, которую националисты считают своей — автономные сообщества Каталонии, Валенсии и Балеарских островов, — является великолепной метафорой, показывающей отсутствие интереса и безразличие каталонского общественного телевидения и правительства Каталонии к испанцам, живущим в Каталонии и в остальной части Испании.

Недавно принятый парламентом Каталонии статут³ вполне можно квалифицировать как националистический, потому что в нем собраны требования, выдвинутые националистами из оппозиционной партии «Конвергенция и Союз»,⁴ чья угроза применить вето была в силе вплоть до последнего момента, и националистами из партии «Эскерра Републикана»,⁵ интегрированными в трехстороннее правительство Каталонии. В таких областях, как языковая, законодательная, юридическая, налоговая, внешние связи и т. д., статут предлагает модель, скорее свойственную неза-

³ Статут был одобрен парламентом Каталонии осенью 2005 года. Затем он был направлен на рассмотрение и утверждение в обе палаты испанского парламента — Генеральные кортесы и сенат. После одобрения в этих инстанциях весной 2006 года текст статута был вынесен для утверждения на референдум, который прошел в Каталонии 18 июня 2006 года.

⁴ Партия «Конвергенция и Союз» (Convergència i Unió) — блок националистических партий Каталонии, правила в автономии с 1980 по 2003 год.

⁵ Партия «Республиканские левые» (Esquerra Republicana) — созданная в 1931 году каталонская партия, придерживающаяся левых взглядов, стремящаяся к независимости.

висимому государству, которое поддерживало бы отношения с Испанией, чем модель многокультурного автономного сообщества, интегрированного в испанское государство. Такая маскировка, впрочем, очень созвучна националистическому представлению о Каталонии и Испании, по которому националисты считают эти образования совершенно раздельными территориально, культурно и политически — фактически, а не подспудно.

Некоторые благонамеренные испанцы, со всей вероятностью проживающие вне автономного сообщества Каталонии, наверняка подумают, что дело не такое уж и серьёзное. В конце концов, речь идет о простом проекте, и испанские кортесы расставят всё по своим местам, когда будут обсуждать текст нового статута. Я не сомневаюсь в том, что так и будет, если действующий статут это позволяет. Во-первых, потому, что большинство нынешних руководителей ИСРП⁶ открыто критиковали многочисленные аспекты проекта статута и высказали свое разочарование требованиями и вразумительными покровами только с националистической точки зрения. Во-вторых, потому, что, даже если бы они и были с этим согласны, они не могли бы поддержать это, так как это означало бы встать на одну линию с каталонскими националистами против воли уже не 40 % каталонцев, а 70 % испанцев — уровень голосующих за ИСРП.

Другой вопрос, отличный от первого, состоит в том, как ИСРП сумеет выйти из трясины, в которую она попала из-за неопытности и политической безответственности правительств Каталонии и Испании, потому что эти определения стоило бы включить в проект статута, в который должны быть внесены исправления с одобрения тех, кто только что его принял и поклялся защищать его по всем пунктам. Более того, Томас де ла Куадра Сальседо опубликовал потрясающую статью в газете *El País* 21 октября 2005 года.⁷ Ее почти не комментировали в прессе, и она была проигнорирована политическими официальными представителями, проголосовавшими за обсуждение проекта статута в кортесах. В ней автор предупредил нас о трудностях, в том числе о невозможности устранить недостатки в отправленном в кортесы проекте, если заранее не будут внесены изменения в статью 56 действующего статута.⁸

В любом государстве, в котором части — пусть они называются автономными сообществами или штатами — чувствуют себя хорошо на всей территории — пусть это называется центральное государство или федеральное, — реформа с самого начала была бы запланирована как большой пакт между политическими представителями, ответственными за принятие такого соглашения в части (Каталония) и в целом (Испания), в который были бы включены соответствующие конституционные реформы. Таким образом можно было бы избежать абсурдной политической западни, в которой мы оказались. Но может ли хороший националист договориться по содержанию статута Каталонии с политическими представителями испанцев в кортесах? Кто такие испанцы, чтобы рассуждать о том, как политически организовать каталонцам? Эти и другие подобные сумасбродства в последние два года до пресыщен-

⁶ ИСРП — Испанская социалистическая рабочая партия, у власти в Испании с марта 2004 года.

⁷ Статья Томаса де ла Куадра Сальседо приводится в настоящем сборнике.

⁸ Статья 56 статута Каталонии 1979 года довольно подробно описывает процедуру внесения изменений в статут (см. сноску 6 к статье Томаса де ла Куадра Сальседо, с. 16).

ния повторяли лидеры каталонских националистов, пока колдовали над статутом, зная о растерянности и воинственности, которые порождают такие заявления среди своих избирателей, и о враждебности и отказе, которые они провоцируют среди большинства испанцев. Не стоит забывать о том, что эти проявления националистического «таланта» глубоко искренни и связаны со стереотипным и по-настоящему сектантским видением каталонского и испанского обществ: каталонцы не испанцы и испанцы не каталонцы.

И, наконец, объяснение того, что политические представители Каталонии и Испании даже не попытались наметить в большом политическом договоре ведущие линии проекта статута до его принятия парламентом Каталонии, достаточно очевидно: националистический статут не стремится ни положить конец одному из разногласий, существующих между Каталонией и центральным государством, ни отшлифовать те «выступы», которые мешают окончательно завершить включение Каталонии в Испанию. Его основная цель заключается в другом: укрепить и усилить националистические позиции, чтобы противостоять, с большой долей вероятности в успехе, будущим спорам и переговорам, которые станут вехами на неумолимом пути к достижению независимого каталонского государства. По принципиальным причинам националисты не могли заключить договор с испанскими политическими представителями до одобрения статута в каталонском парламенте. Но по тактическим соображениям их представители уже заявили о своей готовности к соглашению на парламентской сессии, посвященной дебатам по передаче проекта на обсуждение в кортесы, то есть о готовности вести переговоры на понижение, если только конечный результат переговоров будет предполагать больше полномочий и больше ресурсов для Каталонии.

И, наконец, есть вопрос, который у нас, испанцев, работающих, живущих и платящих налоги в Каталонии, вызывает больше беспокойства, чем само националистическое содержание проекта статута. Как стало возможным, при такой социологической реальности каталонской автономии, чтобы 90 % политических представителей парламента могли принять националистический статут? Где были политические представители тех 40 % каталонцев, которые хотят продолжать быть гражданами Испании? Не Испании короля Пelayo⁹ и Сиды,¹⁰ не Испании австрийской монархии и Бурбонов и тем более не франкистской Испании, а Испании, рожденной Конституцией 1978 года, которая несколько лет спустя присоединилась к демократической и интеграционной Европе.

Без сомнения, 10 % составляют политические представители НПИ,¹¹ проголосовавшие против статута в парламенте Каталонии. А остальные? Где представители каталонцев, которые чувствуют себя испанцами, но которые, по той или иной причине, не идентифицируют себя с политическими позициями НПИ? Ответ, пусть даже и разочаровывающий, тоже довольно очевиден: у подавляющего большинства каталонцев, чувствующих себя испанцами, нет своих представителей в парламенте каталонской автономии. И это не случайно, что несколько месяцев назад группа каталонских

⁹ Король Пelayo (VIII век) — первый король Астурии.

¹⁰ Сид — легендарный испанский рыцарь, подвиги которого воспеты в эпосе «Песнь о моем Сиде» (XII век).

¹¹ НПИ — Народная партия Испании, в 2004 году уступила на выборах власть ИСРП.

граждан обнародовала манифест, озаглавленный «За новую политическую партию в Каталонии». В нем они извещали об удушьи каталонского гражданского общества после двадцати лет националистических правительств и двух лет трехстороннего правительства.¹² Последнее оставило в руках националистов, стремящихся к независимости, два совета, по делам образования и университетов, жизненно важных для продвижения гражданского согласия в обществе, и посвятило почти все свои усилия тому, чтобы продвинуть националистический статут. Массовая поддержка, оказанная статуту представителями в парламенте, лишь подтвердила, если и были какие-то сомнения, что необходимо срочно сделать так, чтобы хоть какая-то политическая партия представляла законные интересы и чаяния испанцев в каталонской автономии.

*Статья была опубликована в газете El Pais 17 января 2006 года.
Автор — профессор основ экономического анализа
Автономного университета Барселоны.*

¹² Трехстороннее правительство Каталонии — коалиционное правительство автономии, созданное в 2003 году во главе с Паскуалем Марагаллом. В него входят Социалистическая партия Каталонии, партия «Республиканские левые» и коалиционная партия «Инициатива за Каталонию — партия "зеленых"».

АНДРЕС ДЕ БЛАС ГЕРРЕРО

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ НАЦИОНАЛИЗМА В ИСПАНИИ

Постановка вопроса о неизбежном характере конфликтных отношений между существующими национальными лояльностями внутри самого государства сразу же заставляет вспомнить характер фатального столкновения, на котором были основаны в XIX веке другие отношения: вынужденная борьба между классами, расами, религиями. Различные типы национализма, нашедшие пристанище в одном и том же государстве, нуждаются — для того чтобы обезопасить себя гармоничными связями — в первую очередь в признании множественности национальных реальностей. Признание того, что в тех же географических рамках могут существовать национальные факторы с предпочтительным политическим знаком, нации, связанные с жизнью государства, с национальностями предпочтительного культурного значения, связанные с политическим выражением существующих культурных факторов внутри политических наций, оказывается основным условием для сосуществования. Во-вторых, необходимо наличие политических рамок, включающих правила взаимно разделенных лояльностей, плюрализма и терпимости, как это происходит в испанской политической системе, оформленной Конституцией 1978 года. Необходимо, тем не менее, третье условие для обеспечения сосуществования. Речь могла бы идти о гарантии существования отношений сотрудничества, взаимопонимания между «национализмами», которые берут за основу разные существующие национальные реальности внутри самого государства. Это те отношения, которых с большим трудом мы добились в жизни Испании.

Эти сотрудничество и взаимопонимание возникают легче, чем могло бы показаться на первый взгляд. Кто чувствует лояльность и причастность к определенным национальным факторам, будь то политическая нация или культурные национальности, тот находится или должен был бы находиться в хороших условиях, для того чтобы понять существование других национальных привязанностей. Кто испытывает эмоции от пейзажа, культуры, истории собственной нации, тот может с легкостью понять существование подобных ощущений у других перед лицом своих национальных реальностей. В «национализмах» Испании не эта позиция была главенствующей. Наши окраинные «национализмы» применили, перед лицом разнообразия испанских «национализмов» в совокупности, наиболее радикальное отрицание — отрицание в них испанской национальной основы. Видение Испании как исключительно государственной сущности, понятой ими в основном как угнетатель, стало константой каталонского, баскского и галисийского «национализмов».

Испанский национализм демократического либерального толка, как правило, лучше уживался с окраинными «национализмами», которые он случайным образом пытался интегрировать в жизнь всего государства. Но даже в этих случаях он был трижды

скупым, с трудом признавая вклад в обогащение жизни Испании каталонского, баскского и галисийского «национализм» посредством взращивания автохтонных культур. Правда и то, что в большинстве случаев культурное предубеждение этих «национализм» не преодолело попытки политизировать эти культурные черты в пользу поиска власти. Но даже в этих случаях нельзя отрицать вклад окраинных «национализм» в обогащение культурной реальности Испании. У нас, испанских демократов, есть хорошие аргументы, например, для того, чтобы подвергнуть критике и пересмотру основы баскского национализма. Но эта критика не может игнорировать усилия людей, таких, как Сабино Арана¹ или Артуро Кампион,² направленные на восстановление традиционного языка и культуры, подвергшихся роковой эрозии.

Другой вклад окраинных «национализм», который редко когда признается верными подданными испанской нации, — это прямой или косвенный вклад «национализм» в преобразование нашего государства в федеративную структуру. Наша сегодняшняя модель территориального устройства, со своим столько раз подчеркнутым политическим, административным и экономическим превосходством над старой, централистской моделью, стала, в хорошем смысле слова, плодом исторического действия окраинных националистических движений. И этим они сослужили важную службу в жизни нашего государства. Был и третий вклад окраинных «национализм», заслуживающий большего признания: это их участие в процессе политического восстановления демократии в Испании в переходный период.

То, что окраинные «национализм» склонялись игнорировать, — это та роль, которую идея испанской нации привносит в жизнь нашего государства. Европейское строительство состоится, в течение длительного периода, при соблюдении уважения к своим государствам-участникам. Эти государства получают от лояльности к национальному фактору необходимую для своего существования социальную и политическую поддержку.

Есть хорошие основания для того, чтобы оправдать существование испанского государства. И часть этих факторов признаётся широкими слоями наших окраинных «национализм». Испанское государство оправдывает существование испанского общества, выкованного в ходе своего нормального сосуществования. Испанское государство, как обнаруживают последние десятилетия нашего существования, — хороший экономический и социальный бизнес. Испанское государство — это инструмент, гарантирующий порядок и соблюдение прав и свобод, и основной двигатель социального правового государства, в чьем строительстве участвует значительное большинство испанцев. Успех Испании в разрешении нашего национального кризиса есть еще её и компромисс с международным сообществом. Успех такого проекта территориального плюрализма, как испанский, должен стать образцом для международного сообщества, несмотря (или вопреки) на безусловное право любой из существующих в современном мире этнических групп на самоопределение, с вы-

¹ Сабино Арана Гоири (1865–1903) — основоположник баскского национализма, создатель и идеолог Баскской националистической партии.

² Артур Кампион Хаймебон (1854–1937) — наваррский политик и писатель, автор учебника по грамматике баскского языка.

текающим из него риском хаоса в международных отношениях. Речь идет об идее, которую защищали покровители канадского проекта, призванного интегрировать своеобразие Квебека (Стефан Дион, Майкл Игнатъефф).³ Такая идея также должна присутствовать в испанской жизни. Чтобы достичь всех этих целей, испанское государство нуждается в поддержке испанской нации, воспринятой как сообщество испанских граждан, связываемое конституционным порядком. И нуждается также в руководстве, способном объяснить и обосновать социальную и политическую сущность испанского государства и нации.

Отношения понимания и сотрудничества должны были стать необходимыми в «национализмах» Испании, потому что так хочет огромное большинство испанского общества. Но таких понимания и сотрудничества, которых, к примеру, не было в генезисе проекта реформы статута Каталонии. И Каталония понимает с этого момента, что ее политическое утверждение нуждается в участии и одобрении остальными частями Испании. И таким же образом общие нация и государство нуждаются в удовлетворительной интеграции наших национальностей. Возможно, настал момент, когда необходимо участвовать всем в новой схеме отношений, основанных на доверии, взаимопонимании и даже симпатии, в новой схеме, существование которой возможно и которая нуждается для своего функционирования только в выражении политической воли при безусловной поддержке широкими социальными слоями.

Статья была опубликована в газете El Pais 1 февраля 2006 года.

*Автор — профессор теории государства
Национального университета образования на расстоянии.*

³ Стефан Дион – канадский политический деятель, бывший министр по делам межправительственных отношений. Майкл Игнатъефф – канадский журналист, депутат.

КОНСЕНСУС НЕОСПАРИВАЕМОЙ НАЦИИ

«Дно — это колодец прошлого». Такими словами Томас Манн начинает свою главную книгу «Иосиф и его братья»,¹ в которой можно прочесть следующее: «У всего есть предварительные отсылки, укоренившиеся в изначальных основах, фундаментах и безднах колодца прошлого». Таким же образом обстоят дела и в случае с нациями, потому что в социальных и политических процессах, на дальнюю перспективу, никогда не даются ни абсолютные принципы, ни абсолютные основания: ни один учредительный «нулевой год», ни одно основание, такое, как язык, религия или общие обычаи. Современные нации объединились, пройдя через сложные исторические процессы, особенно через процесс, который стали называть «Просвещением». То же произошло и в случае с испанской нацией. Несмотря на то что некоторые отмечают, без какого-либо богатства оттенков, что у тогдашних институтов не было никакого национального содержания, следует сказать, что большая часть просвещенных испанских мыслителей (не имеет значения откуда они родом) уже предлагали новое значение концепции нации, не отказываясь при этом от исторического обоснования. Например, они говорили, что Война за независимость не была бы возможной без предварительного этапа национализации общества. Каванильес² довольно рано, в 1784 году, писал: «У Испании по-настоящему национальная армия. Полки состоят целиком из достойных граждан и рекрутированных крестьян, которые платят своей родине надлежащие налоги и защищают свои владения, охраняя ее». И Ховельянос³ перед наполеоновским вторжением пишет в письме, датированном июнем 1808 года: «Нация заявила о себе в полной мере и заявила о себе с энергией, сходной с ужасом, который она пережила, увидев, как она жестоко обманута и осмеяна».

То, что на самом деле возникает на Западе на стыке XVIII и XIX веков, — это новое представление и жизненный опыт современной нации, состоящей из суверенного народа, союза граждан, как более широкая среда сосуществования при более динамичном участии.

И в этом смысле можно-таки говорить о некоторых определяющих целях (не «нулевые годы»: эта утопия принесла столько ущерба современным народам) в процессе формирования современных наций, как в случае с испанской нацией — Конституция Кадиса 1812 года.⁴ Но нельзя абстрагироваться от того, что современная нация не мо-

¹ В русском переводе романа эта фраза звучит так: «Прошлое — это колодец глубины несказанной».

² Антонио Хосе Каванильес (1745–1804) — испанский ботаник и философ.

³ Мельчор Гаспар де Ховельянос-и-Рамирес (1744–1811) — испанский просветитель, поэт, драматург, ученый и государственный деятель.

⁴ Конституция Кадиса была принята Учредительными кортесами 18 марта 1812 года, в ходе Испанской революции 1808–1814 годов. Революционная по тем временам конституция провозглашала конституционную монархию, свободу личности и неприкосновенность жилища, а также «исключительное право нации устанавливать свои

жет быть рассмотрена лишь как смесь общностей контрактов и общностей памяти и чувств. Говоря другими словами, нации не являются простыми искусственными образованиями, которые могли бы создаваться или разрушаться по более или менее мечтательной прихоти «универсальных вершителей судеб», о которых говорил Монтескьё, или по прихоти поколения, которое переменчивым и безответственным образом могло бы потерять почву под ногами и свести на нет достигнутый предшественниками прогресс, создавая нации при помощи учебников по «политической и социальной инженерии», что имело такие роковые последствия для Европы XX века. Такие эксперименты, к сожалению, уже проводятся в пробирках политических лабораторий нынешней Испании, с намерением заменить «нацию граждан» на претенциозную «нацию наций».

Это нарушающие порядок эксперименты, осуществляемые по проекту сосуществования и прогресса сообщества испанцев, которые, ко всему прочему, проводятся с фальшивым использованием языка, с угрозой того, что важные политико-социальные идеи превратятся в номинальные фетиши, страдающие отсутствием способности описания и ясности ума, как, с другой стороны, всегда происходило в искусственных проектах политической и социальной «инженерии». Семантическая ошибка затопляет политику и интеллектуальный и академический мир, колеблясь между абстрактным рационализмом, оторванным от конкретных исторических условий времени, места и обстоятельств («право на самоопределение народов» или анахронические «исторические права»), и сомнительным релятивизмом (идея нации обладает «текучестью», любая идея «изменчива и субъективна»). Следовало бы согласиться с Гадамером⁵ в том, что «ни сокращение реальности до языка, ни верование в реальность, лингвистически не осмысленную», потому что в политике или в социальном сосуществовании ни слова, ни идеи не являются мантрами, и нежизнеспособно нормальное демократическое сосуществование, когда нация есть нечто «обсуждаемое и обдуманное» или когда рассматривается как нечто шутовское то, что одна часть испанской нации тоже самоопределяется как нация.

Некоторые считают тривиальным тот факт, что одна часть нынешней Испании заявит о себе как о нации, потому что этим государство не разрушится. Не без основания Вебер⁶ писал, что нация — это «сообщество чувства, которое проявляется адекватным образом в собственном государстве; соответственно, нация — это сообщество, которое обычно стремится к созданию собственного государства». Оценка, которая была более чем подтверждена историческим опытом. Более того, с точки зрения демократии нежизнеспособно то общество, которое зиждется на социальном контракте, основанном на постоянном шантаже и угрозе поэтапного разрыва нации, если не будут приняты все требования националистов, страдающих этой заразной болезнью человечества, о которой говорил Эйнштейн.

основные законы». Была отменена Фердинандом VII в 1814 году.

⁵ Ханс-Георг Гадамер (1900–2002) — немецкий философ.

⁶ Макс Вебер (1864–1920) — немецкий философ, социолог, культуролог, автор концепции трех типов исполнительной власти.

Монтескьё, как и Бурке,⁷ советовал законодателю, чтобы дрогнула его рука, прежде чем он осмелится менять институты и фундаментальные законы страны. К сожалению, мы не являемся сейчас свидетелями хотя бы малейшего сдержанного искушения дрожи в руках многих наших законодателей и политиков. Было бы необоснованным не вспомнить, что даже Сиейес,⁸ один из кузнецов новой концепции нации, дошел до того, что написал, пройдя через опыт Террора, что «власть народа не ограничена» и что многие «возвеличенные и почитаемые» системы власти оказывались «одинаковым образом пагубны для свободы и разрушительны как для публичных, так и для частных дел».

*Статья была опубликована в испанской газете ABC 4 февраля 2006 года.
Автор — профессор истории идей Университета Короля Хуан Карлоса.*

⁷ Эдмунд Бёрк (1729–1797) — английский юрист, писатель, политик.

⁸ Аббат Сиейес (1748–1836) — активный участник Французской революции.

САЛЬВАДОР ХИНЕР

ДВА ЛИЦА НАЦИИ

Гражданский национализм каталонцев победит дикий национализм, если мы сохраним спокойствие и решимость.

Жесткие политические споры, разгоревшиеся из-за нового каталонского статута, спровоцировали раздраженный обмен мнениями, в ходе которого некоторые используют слово «нация» как метательное оружие. Создается впечатление, что никому не интересно дать определение нации или поразмыслить над тем, что таит в себе термин «национализм». Предлагаю некоторые скромные рассуждения.

Любому националисту нация, его нация, онтологически необходима. Для ярого националиста нет случайных наций. Своя нация всегда обязательна. У нации есть качества, которые распространяются на сообщество и определяют его. Думать иначе для него невыносимо. Родина — это разделенный очаг, чья священная аура требует отдачи и ритуала, подобных тем, которые требует любой земной бог. Любая нация священна. Нет ни одной нации, у которой не было бы ауры, какой бы незначительной она ни была.

Национализм в сущности своей противоречив. В той мере, в которой он является выражением страстного желания самоидентификации сообщества, причастности к другим или к основополагающей общности, нация должна отвечать основной черте человеческой природы. Она нас сплачивает, дисциплинирует в трудных начинаниях, стимулирует нас на достижение экономического процветания, различает, делая узнаваемыми.

Есть немало хороших причин для того, чтобы в современном мире национализм процветал, и даже для того, чтобы он воспринимался как нечто вполне рациональное. Но у националистического соучастия есть и черты, вызывающие беспокойство. Настали времена для отмены феодальной зависимости, регионализма, племен и даже этносов. И все это под давящим господством понятия о гражданстве. Универсализм, присущий моральному устройству человека как гражданина, тем не менее, очень быстро сузился до государственного пространства, чьи люди перешли из статуса вассалов в статус граждан.

Современные государства продолжали размывать внутренние различия своего пространства для того, чтобы навязать различия, все еще присущие отдельному региону, всей территории, им покоренной. Англия поступила так с Великобританией, Кастилья — с Испанией, Пьемонт и Ломбардия — с Италией, Россия — со своей континентальной империей, а англосаксонские Соединенные Штаты атлантического побережья — со своим пространством. Таким образом, нация не только не претерпела никакого размывания, но и усилила вассальную подчиненность тех своих жителей, которые отличались от главенствующего этноса.

Согласно прогрессистской концепции истории, мир должен был эволюционировать до морального универсализма, равенства, демократии и свободы без исключений.

Наши времена, привнесшие с собой некоторые из этих благ, лишь повлекли за собой индивидуализм, неравенство, предрассудки и фанатизм, больше связанные с этносом, чем с классом. Среди наиболее жестких способов членства в сообществе можно насчитать много националистических движений. В нашем мире ничто не может так сковать наши сердца, как разнузданный национализм, такой, каким является фашизм.

Различия между национализмом угнетающих и угнетенных народов полезны лишь до тех пор пока угнетенные не получают возможность самим стать угнетателями, не отвергая маловероятную гипотезу о том, что какой-либо народ может усвоить какой-либо урок истории и он в состоянии практиковать цивилизованный национализм. Если этот урок не усвоили евреи, представители одного из наиболее варварски преследуемого этноса в истории, создавшие государство Израиль, кто окажется способным его усвоить? Даже палестинский терроризм это не оправдывает. Никакой агрессивный и исключаящий национализм не узаконивает морально другой национализм.

Нация и национализм встречаются посреди широкого и противоречивого процесса. Это причина и следствие, жертвы и виновные наших современных странствующих сознаний, проникновение в которые религиозного фактора на этом поле лишь обострило его. С одной стороны, когда целый народ требует всего-навсего независимости, его устремления справедливы. С другой стороны, когда то, что этим навязывается, есть гегемония над теми, кто не хочет воспринимать как свои качества или особенно соотечественников, такие устремления несправедливы.

И здесь мы сталкиваемся с дилеммой. Так, когда самоопределение предлагается всегда как нечто справедливое, очевидное и неоспоримое, добавляется аргумент о том, что при этом никто в своих кабальных нравоучениях не выскажется против этого. Как можно ставить под сомнение неотъемлемое право народа на самоопределение? Тем не менее в проблеме, представленной таким образом, игнорируются различные несогласные меньшинства. И они могут на деле составить половину, если не больше, страны. Что они должны делать? Эмигрировать? Жить на своей земле как нежеланные иностранцы? Тень от этой серьезной трудности вновь и вновь ложится на земли Квебека или Пуэрто-Рико каждый раз, когда Канада или США разрешают провести очередной референдум. Она ложится и на такие места, как Страна Басков, где существует значительное меньшинство, но не большинство, добивающееся независимости.

Было бы хорошо, если бы те, кто преследует нации-меньшинства и недолюбливает гражданский национализм — как тот, который, к счастью, доминирует в Каталонии, — вспомнили бы о том, что такой национализм допускает сосуществование и солидарное сотрудничество между всеми гражданами и ему способствует. На двойственном националистическом лице бога Януса гражданское лицо, которое побуждает и делает возможным рациональный подход, являясь более кротким и менее выраженным, чем другое, злое лицо, которое умеет только давить и бросать вызовы. Я имею в виду здесь то лицо, которое кричит, но не вступает в диалог. Но именно это лицо, в конечном счете, побеждает, если мы не потеряем спокойствие и настойчивую решительность победить.

*Статья была опубликована в каталонской газете El Periodico de Catalunya
5 февраля 2006 года.*

*Автор — профессор кафедры социологии Университета Барселоны,
президент Института каталонских исследований (Institut d'estudis Catalans).*

ЯЗЫКИ ИСПАНИИ

Каталонский язык опять оказывается в центре повседневной критики. Кажется, что вокруг языковедческой оси, самой чувствительной и самой эмоциональной, и крутятся нынешние судорожные территориальные дебаты. Демократически необходимо, чтобы каталонские предложения (от агрессивной купли компании Endesa, предложенной Gas Natural,¹ и статута до документов из фондов Саламанки²) вызывали споры и возражения. И даже правомерно, чтобы они были основательно оспорены. Но совершенно недопустимо, чтобы то, что предлагается на конституционной основе, было демонизировано. Недопустимо, безответственно и ужасно опасно, чтобы, под видом критики, поощрялись самые низменные антикаталонские чувства. Недопустимо, чтобы любое проявление каталонизма вызывало неудобство или презрение.

И именно это и происходит вновь и вновь с каталонским языком. Одно дело — критиковать, когда обнаруживаются злоупотребления в применении «Закона о языковом урегулировании», совсем другое — систематически подозрительно относиться к каталонской социолингвистической реальности. Одно дело — критиковать чрезмерное рвение в преподавании каталонского в одной школе, другое — превращать это в общее описание того, что происходит во всех школах Каталонии. Одно дело — заботиться о корректном преподавании кастильского среди каталонских школьников, другое — систематически с подозрением относиться к институциональным усилиям по восстановлению социального использования тысячелетнего языка, веками преследовавшегося государством, являющегося родным языком нескольких миллионов испанских граждан. Одно дело — анализировать под лупой некоторые предложения, содержащиеся в проекте статута в отношении официального признания каталонского языка, другое — утверждать, что кастильский язык системно находится в опасности в Каталонии и что в статуте таится намерение сделать так, чтобы он исчез с каталонской карты.

Кастильский и каталонский языки являются частью гражданской жизни Каталонии, сосуществуют с непринужденностью и совсем небольшими трениями. В зависимости от окружения у них разный вес. Вот некоторые примеры. Каталонский язык имеет больший вес в школе, но намного больший вес имеет кастильский в средствах массовой информации. И, поскольку мы не можем воспрепятствовать потрясающему влиянию телевидения на детей, достаточно послушать, о чем говорят

¹ Endesa — крупнейшая энергетическая компания Испании. В феврале 2006 года правительство страны одобрило слияние Endesa с национальной газовой компанией Gas Natural. Позже сделка была заморожена.

² Речь идет о фондах документов периода Гражданской войны в Испании, хранящихся в Главном фонде Гражданской войны в Саламанке (Archivo General de la Guerra Civil). В феврале 2006 года, после долгих препирательств, часть архива, «конфискованная» у Каталонии франкистским режимом, в том числе и оригинал каталонского статута 1932 года, была передана Барселоне.

хотя бы на школьном дворе: видно, что дети тяготеют к тому, чтобы играть больше на кастильском, чем на каталонском. Каталонские и муниципальные власти, согласно «Закону о языковом урегулировании», отдадут приоритет каталонскому языку, но значительное число функционеров обращаются к гражданину на кастильском. Государственные институты власти де-юре, формально двуязычны, но на деле они моноязычны, причем именно испаноязычны. Некоторые судьи обеспокоены правами своих коллег, которых направят на работу в Каталонию, но при этом они систематически забывают право каталонских граждан делать заявления или быть судимыми на их родном каталонском. В большинстве крупных государственных, коммерческих корпораций и предприятий в сфере услуг использование каталонского языка — исключение или оно ограничено, а во многих случаях вообще отсутствует. Результаты общественной политики в сфере языков опровергли апокалиптические заявления обеих крайностей: кастильский остается живейшим языком в каталонском обществе и, с новой иммиграцией, каждый день приобретает новых пользователей. Каталонский, вопреки опасностям, которым он подвергается, как и любой язык демографически небольшой нации, сталкивается с вызовами глобализации.

Без какой-либо дискриминации

В любом демократическом обществе индивидуальные права священны, хотя их простая декларация не сводит на нет языковую политику. И дело в том, что индивидуальные права упоминаются противоречивым образом: одни индивидуумы хотели бы больше каталонского, а другие, напротив, больше кастильского. Индивидуальные права содержат в себе ограничения для общественной деятельности в сторону благоприятствования каталонскому языку. Но в то же время они являются оправданием общественной защиты каталонского языка. Испаноговорящих граждан, которые посчитали, что законы, защищающие каталонский язык, нанесли им ущерб, считанные единицы. Во-первых, потому, что кастильский в Каталонии брызжет здоровьем, во-вторых, потому, что большинство каталонцев, у которых каталонский не родной, понимают повышенно эмоциональное, символичное, культурное и социальное значение каталонского. Самое желанное богатство, которого большинство каталонцев не хотело бы потерять, — это сосуществование, начиная с языкового сосуществования. И это требует того, чтобы продолжало гарантироваться то, что никто не может быть или чувствовать себя дискриминированным из-за использования каталонского или кастильского, двух испанских языков в духе действующей конституции.

Периодически становится модным критиковать погружение школьников в каталонский язык. Среди многих других глупостей писалось в эти дни и о том, чтобы сравнить каталонскую школу с концлагерем. Жаль, что приходится напоминать, еще раз, что школьное погружение отвечает закону, одобренному широчайшим большинством, и стремится избежать раскола по типу баскского или североирландского: разделения каталонцев на две изолированные общности. Официальные исследования свидетельствуют о том, что, с другой стороны, достигнутый каталонскими школьниками уровень кастильского к концу учебы не меньший, чем уровень школьников мо-

ноязычной Испании. К сожалению, тем не менее, общий языковой уровень испанцев печален. Наша молодежь не знает английского и с трудом выражается на испанском (и на валенсийском, и на каталонском, и на баскском, и на галисийском).

Задачей номер один наших политиков должно было бы стать стремление изменить эту разочаровывающую тенденцию, а не сталкивать испанцев из-за их родного языка. В Каталонии националисты должны были бы согласиться с очевидностью, что кастильский — не только язык многих каталонцев (и так должно было бы быть отмечено в статуте), но и потрясающее социальное, культурное и экономическое наследие. Еще и еще раз стало понятно, каким опасным бумерангом может быть любая попытка завести языковую политику дальше этой разумной предпосылки. Но уже настает момент для того, чтобы остальные испанцы, со своими партиями во главе, оставили в стороне неприятное замалчивание: каталонский — это испанский язык, заслуживающий не оскорблений, подозрений и пренебрежения, а нежности, уважения и защиты.

*Статья была опубликована в испанской газете La Vanguardia
12 февраля 2006 года.*

ИСПАНИЗМ?

...Пусть не говорят о старых суверенных нациях, которые никогда не существовали. Не было никогда ни независимой Каталонии, ни независимой Страны Басков, ни независимой Галисии. То, что происходит сейчас, идет не оттуда...

Очень много разговоров об испанизме, без сомнений, как о параллели катализма и другим измам. Я вспоминаю, как Хулиан Мариас¹ говорил, что он не является приверженцем испанизма, он просто испанец. Речь шла всего-навсего о патриотизме, о всеобщем патриотизме. И это не было препятствием для любви каждого к своей земле.

Начиная примерно с 1900 года в Испании стали появляться различные типы «национализма» как подражание движениям за независимость в Америке и Европе. Шла игра на путаницу между двумя значениями слова «нация», собранными в словаре Королевской академии испанского языка. Первое значение, старинное и этимологическое, относится к совокупности людей одного и того же происхождения, которые к тому же обычно говорят на одном языке и имеют общие традиции. Второе, более свежее значение, со времен Французской революции, подразумевает политическое понятие суверенитета.

Тогда Испания была бы нацией наций. И был бы испанизм, относящийся только к одной из этих наций, как остаток после отсеечения других. Более ограниченный, чем патриотизм, который относится ко всей без исключения Испании. Слова важны, игра идет с их значениями. Они применяются к вещам, к которым раньше не относились.

Но такие революции в использовании этих терминов подразумевают, со своей стороны, другое толкование истории: а именно истории, впадающей как река в настоящее, которое нам хотят навязать. Нация в значении суверенного государства была бы сегодня, в разных регионах Испании, простым продолжением того, что уже существовало с древних времен. Сейчас она освободилась от угнетателей. Нужно было бы освободить ее и от языковых, политических и других следов этих угнетателей.

Угнетатели — это сообщества, чья древняя история была бы, со своей стороны, историей еще одной нации, чьи границы закончились бы у границ других наций. Была бы более чем одна история Испании, было бы много разных историй разных наций Испании. Одна из них — Кастилии или что-то в этом роде.

¹ Хулиан Мариас Агилера (1914–2005) — испанский философ, историк философии, литературный критик, ученик легендарного Хосе Ортега-и-Гассета.

В целом создание суверенной нации требует наличия древней нации, ее превосходящей во времени: реальной или мистической, все равно. И то, что осталось бы от Испании, когда от нее откололись бы другие нации, в свою очередь тоже имело бы свою историю, историю Кастилии. Испания в целом — нет. Все очень логично, хотя исторически неверно и фальшиво.

Недавно в статье, опубликованной в газете *El País*, автор Альварес Хунко² занял несколько иную позицию. Он развенчивал миф о каталонском и баскском национализме (как я понимаю, идущем от мифов). Но также и миф об испанском национализме — испанизме. Католические короли не объединяли Испанию, это миф. Просто Кастилия завоевала Гранаду, потому что это было то, что лежало ближе всего к ее границам. Но они в то же время бросали свои войска и на Италию.

Беда в том, что все это не так. История Испании — не миф. Была на географическом уровне Испания племен и народов — финикийцев, греков, римлян, которые помогли им сформировать ее. Но была, позже, и единая Испания, диоцез Диоклетиана и королевство готв. Королевство Испании, обрамленное в своих четырех углах. И объединяли их Пиренеи, Атлантический океан и Средиземное море. Это была единственная суверенная общность.

Нет, в случае Испании, мифического прошлого: есть реальное прошлое. И в этом прошлом есть проект: восстановить его. Оно было разрушено исламским вторжением. Речь шла не о создании суверенной нации на транспаранте мифического прошлого. Это прошлое было реальным.

Было единственное политическое неразрывное единство. И другое дело — непрерывное единство людей и традиций, это истина. В случае с Испанией речь шла о сознательном восстановлении, со слов самого дона Пелайо,³ того, что было утеряно.

По поводу этого прошлого был создан проект. Идея Испании, утерянной и находящейся в решающем моменте восстановления, была общей для всех, от Альфонса X⁴ до различных королевств Испании, которые признавали короля Леона как императора. Реконкиста была общим предприятием — все помогали, даже Барселона. Католические короли лишь завершили общее дело. Исламизация была частичной и преходящей. Она смотрела на Восток, это была другая культура. Испания никогда не принимала ее, Испания всегда считалась европейской и христианской. Считалась единой — от Галисии до Страны Басков, от Арагона до каталонских графств.

Не будем устанавливать неточные подобия. Не было других королевств, кроме Кастилии и Леона, затем растворившихся, и Арагона, который включал Каталонию (здесь никогда не было короля, кроме Страны Басков). Слияние всех в нечто старое

² Одну из статей этого автора читайте в настоящем сборнике.

³ Марселино Менендес Пелайо (1856–1912) — испанский историк, литературовед.

⁴ Альфонс X Мудрый (1221–1284) — король Кастилии и Леона. При нем Саламанкский университет встал в один ряд с Парижским. В нем была разработана целостная концепция национальной истории (Труды: Всеобщая испанская хроника (*Cronica general*) и Всеобщая мировая история (*General estoria*))

и новое сейчас, Испанию, было ступенчатым: наследственные дела, женитьбы и договоры, которые могли быть действенными лишь потому, что отражали чувства народа.

У всех был испанский патриотизм (термин, который странным образом пришел к нам через Каталонию из Прованса). Раньше, без сомнения, это был римский патриотизм: греки и римляне вошли в Испанию (Hispania) через Каталонию, создали свои языки, кроме баскского, в котором, кстати, много латинских терминов.

Такова история, и нет надобности в том, чтобы ею манипулировать для того, чтобы она служила базой для современных проектов тех, кто жаждет независимости. Каталонский национализм может говорить о языке и традициях, однако несправедливо, чтобы он отвергал те традиции, которые объединяют Каталонию с Испанией. Но не может быть и речи о традиции древней суверенной нации. И Испания не основывается только на Кастилии, какой бы важной она ни была: заслуга Кастилии была лишь в том, что она сделала возможным восстановление той древней столь желанной общности, в том, что она выгнала мусульман, в том, что она сделала так, что Европа дошла до Америки.

Правда и то, что были и тенденции к отделению. И Кастилия кое в чем виновата: она не открыла Америку для остальных испанских народов. Каталонцы виновны в другом: в том, что не были солидарны, когда этого просил граф-герцог,⁵ когда Испания потеряла Кубу.⁶ Я умалчиваю о других, более свежих моментах.

Каталонцам также нельзя приписать заслугу или вину в войне за наследство.⁷ Они поддерживали австрийского кандидата на трон, не защищали независимость. Как и карлисты, в XIX веке.⁸

Все это школьная история, элементарная, надежная. Испания идет от общности, которая, пробудившись, создала другую общность. Были и элементы разрыва. Начиная с XV века — Португалия. Позже были другие. Но в XIX веке, с его политическими проблемами, едва ли были националистические проблемы. И испанский был языком писателей и ученых любого региона. Никто его не навязывал, его искали все, и с древних времен, потому что это была связь союза, социальной солидарности, прогресса. Другие языки сосуществовали с испанским языком. Итог: процесс унификации продолжался.

⁵ Оливарес Гаспар де Гусман (1587–1645) — граф, герцог (с 1625 года), первый министр Испании, подавлял сепаратистские тенденции испанских провинций.

⁶ В результате испано-американской войны 1898 года Испания потеряла свою колонию Кубу.

⁷ Война за испанское наследство (1701–1714) началась после смерти бездетного короля Испании Карла II, завещавшего трон своему племяннику Филиппу Анжуйскому, внуку французского короля Людовика XIV. В 1701 году Филипп Анжуйский короновался под именем Филиппа V. В то же время представитель австрийской ветви Габсбургов, император Леопольд I выдвинул своего претендента на испанский престол, эрцгерцога Карла, которого поддерживали каталонцы.

⁸ Карлисты — представители клерикально-абсолютистского политического течения, поддерживавшие притязания дона Карлоса (1788–1855) и его потомков на королевский престол в Испании. В двух карлистских войнах (1833–1840 и 1872–1876) карлисты потерпели сокрушительное поражение.

И сейчас появились те, кто отрицает историю Испании, заменяет ее суммой маленьких историй мнимых суверенных наций. И испанский язык оказывается ограниченным там, где его хорошо знают (без того, чтобы кто-то его защитил), до языка социально приниженного, который терпят с трудом. Против испанского языка применяется языковое насилие. Нет, речь не идет лишь о том, чтобы уважались индивидуальные права ребенка: речь идет о том, что испанский есть, продолжает быть, общим языком Испании, который служит спайкой между всеми, соединительным раствором.

Шаг за шагом, статут за статутом — уже есть третий⁹, и есть угроза, что будут еще, — закон за законом, этот соединительный раствор разрушается, равно как и другие объединяющие моменты: тот факт, что мы все равны в любом регионе, как люди, как профессионалы, как субъекты права. Мы сильно страдаем, почти молча, от всего этого.

Это грустно. Но пусть не говорят о старых суверенных нациях, которые никогда не существовали. Не было никогда ни независимой Каталонии, ни независимой Страны Басков, ни независимой Галисии. То, что происходит сейчас, идет не оттуда.

Были традиции и языки, это другое дело. Но то, что есть сегодня, — это зараза жажды независимости, шаг за шагом распространяющаяся примерно в течение чуть более века. Нечто вредное для всех.

Проблема не в испанизме, и нет надобности его защищать. Нам нужны лишь патриотизм и общность. Всех. И не надо эксплуатировать претексты и мифы, ограничиваясь древней и современной реальностью, которая всех интересует. Испания не только государство — для нас всех это еще и родина. Испанизм, наравне с другими измами, неприемлем. Испания — для всех.

*Статья была опубликована в газете ABC 19 февраля 2006 года.
Автор — профессор Королевской испанской академии
и Королевской академии истории.*

⁹ Еще несколько автономий Испании, в том числе Валенсия, заявили о желании принять новый статут, схожий с каталонским.

ПРАВО ГОВОРЯЩИХ

Ни у языков, ни у коллективных сообществ нет прав. Права есть только у людей. Законы не должны ни охранять, ни атаковать языки, они должны защищать права людей, права говорящих. Проблема не состоит в том, чтобы определить, находятся ли в опасности в Каталонии кастильский или каталонский языки. Ни один из этих языков не подвергается опасности. Каталония не является ни двуязычной, ни моноязычной. Каталония не говорит, и у нее нет прав. Также как и Испания или Европа. Каталонцы двуязычны, и они стали таковыми уже много веков назад. Почти половина из них заявляет, что каталонский — их основной язык, и столько же каталонцев считают по крайней мере кастильский таковым. Более того, подавляющее большинство, более 95 %, понимает каталонский, и все, конечно же, — кастильский. Ни один из этих двух языков не подвергается опасности отмирания. Проблема не в этом. В чем же тогда? Проблема состоит в том, что националистические партии, выступающие против конституции и здравого смысла, стремятся к тому, чтобы официальным языком был только каталонский и чтобы знание каталонского было, таким образом, обязательным для всех резидентов автономии. Конституция устанавливает для всех испанцев обязанность знать и право использовать кастильский. И параллельно — официальный статус своего языка для тех сообществ (автономий), у которых он есть. Но никогда речь не шла об обязанности им владеть. Конституция и законы должны исполняться, пока они действуют.

Таким образом, проблема сводится к неисполнению закона и ущемлению прав граждан. Проблема появляется тогда, когда навязывается обязанность знать каталонский и устанавливается, по факту и против закона, что это единственный официальный язык Каталонии. Проблема проявляется тогда, когда ущемляется право родителей, даже если это только один из них, обучать своих детей в школе на кастильском (Артур Мас¹ идет против конституции, утверждая, что те, кто захочет, чтобы их дети обучались на кастильском, должны за это платить, как японцы). Проблема возникает тогда, когда дети, которые не знают каталонский язык, вынуждены учиться только на каталонском. Проблема проявляется тогда, когда предприниматели и коммерсанты вынуждены ставить на свою продукцию этикетки и расклеивать объявления на своих предприятиях на каталонском. Проблема появляется тогда, когда от функционеров требуется, чтобы они были обязаны ущемлять конституцию. И, конечно, тогда, когда устанавливается некая форма тоталитарной лингвистической полиции, которая бдит и наказывает тех, кто осуществляет право, защищенное Основным законом.

Те, у кого есть права, — это каталонцы и остальные испанцы. Те, кто развязывает лингвистическую войну, — это те, кто нарушает конституцию и, более того, выступа-

¹ Артур Мас — лидер каталонской партии «Конвергенция и союз».

ет против сосуществования и здравого смысла. Ни у каталонского, ни у кастильского языков нет прав, и они не подвергаются опасности. Те, чьи права подвергаются опасности со стороны тоталитарного национализма, — это граждане, а не националисты. В этом состоит фатальная ошибка национализма: установить фальшивые коллективные права, производные от идентичностей, реальных или мнимых, которые утаивают презрение к единственным существующим правам — правам людей. То, что подвергается опасности, — это право говорящих, признанное конституцией.

Статья была опубликована в газете ABC 23 февраля 2006 года.

ИСПАНИЯ И КАТАЛОНИЯ

...Я всегда чувствовал себя отождествленным с тем, что — именно во времена Империи — символизировало дружбу между двумя большими поэтами: толедцем Гарсиласо¹ и каталонцем Босканом.² Дружбу — человеческую и интеллектуальную, в которой я опознаю идеал понимания и открытости, благородную и плодотворную, во всех вариантах Испании...

Мне глубоко грустно наблюдать то предубеждение — я предпочитаю не употреблять слово «неприянь», — с которым многие кастильцы, считающие себя хорошими испанцами, смотрят на Каталонию, из-за того, что она стремится утвердить присущую ей идентичность, беря на себя полноту свобод внутри национальной испанской среды. Я вспоминаю фразу Камбо³ — без сомнения, наивысшего государственника, вместе с Каналехасом⁴, — относящуюся к первой трети XX века: «Свободная Каталония в большой Испании». Очевидно, что Карод Ровира⁵ никогда не сделал бы своим это выражение. Но глубоко заблуждаются те, кто верит в то, что достойный сожаления сепаратизм, которым так хвастается лидер партии «Эскера Републикана», есть общее кредо для всех каталонцев. Для подавляющего большинства из них их способ быть испанцами просто-напросто означает быть стопроцентными каталонцами, как категорически утверждал сам Камбо.

Тупое стремление защитников кастильского отстоять его не на жизнь, а на смерть, считающих, что Испания — это только Кастилия, нанесло и продолжает наносить огромный ущерб хорошей гармонии между всеми разновидностями Испании. Эта аутентичная реальность есть плод очень конкретной истории, нашей истории Средних веков. И в ней общая воля к восстановлению утерянного в начале VIII века единства проявилась из не связанных друг с другом ядер, развившихся в общей борьбе как дифференцированные национальные общности, хотя и осознающие, что принадлежат и направляются к высшей общности, кстати, ранее уже существовавшей.

Изабелле Католической,⁶ наиболее значимой фигуре нашей истории, хотя и удалось, согласно выражению Небрихи,⁷ соединить куски раздробленной Испании,

¹ Гарсиласо де ла Вега (1503–1536) — испанский поэт эпохи Возрождения.

² Хуан Боскан Альмогавер (ок. 1500–1542) — испанский поэт эпохи Возрождения, основатель «итальянской» поэтической школы.

³ Франсеск Камбо (1876–1947) — политический и государственный деятель Каталонии.

⁴ Хосе Каналехас и Мендес (1854–1912) — премьер-министр Испании в 1911–1912 годах, реформатор, убит в результате покушения.

⁵ Жозеп Льюис Карод Ровира — глава каталонской партии «Эскера Републикана».

⁶ Изабелла Католическая (1451–1504) — королева Кастилии и Леона.

⁷ Антонио Небриха (1444–1522) — испанский филолог-гуманист, создатель грамматики и словаря кастильского языка.

но она никогда не теряла чувства неотвратимой реальности: единство уже никогда не сможет стать слиянием. Согласно тексту хрониста Андреса Бернальдеса,⁸ когда некоторые из советников вдохновили ее, в Сеговии, изменить «шапку» в документах своей канцелярии — доскональный перечень королевств и графств, объединенных под ее Коронай, — на «Королева Испании» (то есть на «Королей Испании», поскольку она делила трон с великим доном Фернандо), она отказалась сделать это. И таким образом ее преемники по трону унаследовали прежние официальные титулы. Когда же граф-герцог вернулся к этой идее, он спровоцировал первую в нашей истории Гражданскую войну. И лишь с наступлением XVIII века — и другой Гражданской войны в недрах европейского пожара, — слияние состоялось: всегда до определенного момента и всегда как ответ живых реальностей в столкновении с официальными установлениями.

Я далек от того, чтобы бороться с тем, что на деле является обогащением идеи или представления об Испании, но нужно было бы поставить на обсуждение эти различные выражения исторического разнообразия. То, что я утверждаю в случае с Каталонией, я мог бы повторить в случае с Галисией и даже с Эускади (Страной Басков): хотя в последнем случае не хватает оснований, поскольку никогда исторически не существовало королевства или государства басков. Историческая реальность есть опровержение красочных фантазий Сабино Араны. Баскское своеобразие есть факт, не ассимилированный романизацией, но всегда интегрированный в соседних политических общностях во времена Реконкисты.

Иногда я имел в виду неприемлемое сосуществование — политически, исторически — двух противопоставляемых и одинаково вредоносных типов поведения: сепаратистов и «сепараторов». Последние — это те, кто настаивает на том, чтобы путать Кастилию с Испанией. Огромная ошибка последователей Франко в оккупации Каталонии, была, в точности, в следующем: вместо того чтобы раскрутить и приветствовать происпанский каталонизм, понимая его напрямую как обогащение испанского образа и испанской реальности, они поспешили сделать Каталонию — ее сущность, ее идентичность — несовместимой с идеей Испании, связанной со знаменитым «крестовым походом». В некоторых случаях мне приходилось уточнять — и это было уже в 60-х годах! — мучительное принуждение со стороны фалангистов (тогда еще были фалангисты) миролюбивых бюргеров Барселоны, которые беседовали между собой на каталонском: «Говорите на языке Империи!». Простите, простите... Что сказала бы королева Изабелла Католическая перед лицом подобной глупости? Что сказал бы здесь Менендес Пелайо, наивысший выразитель интеллектуалов, призванный определить и выразить наиболее чистый дух Испании — в ее истории и культуре? Он по случаю 1888 года сочинил величайшее похвальное слово каталонскому языку, всегда считая себя самого наследником Мила и Фонтаналса.⁹ Что бы он сказал? Ведь предупреждал: «Своей примитивной основой я обязан старинной школе Барселоны. И я думаю, что, в сущности, она у меня никогда не менялась». Разве дон Марселино был бы готов отвергнуть каталонский язык во имя имперской идеи, как считают защитники кастильского низкого полета?

⁸ Андрес Бернальдес (1450–1513) — испанский историк и церковный деятель, автор «Истории Католических королей».

⁹ Мануэль Мила и Фонтаналс (1818–1884) — испанский филолог, учитель Менендеса Пелайо.

Что касается меня, кастильца из самой что ни на есть чистойшей Кастилии — родившегося в Толедо, мадридца по усыновлению и каталонца по выбору, и испанца сверх всего прочего — я всегда чувствовал себя отождествленным с тем, что — именно во времена Империи — символизировало дружбу между двумя большими поэтами: толедцем Гарсиласо и каталонцем Босканом. Дружба эта — человеческая и интеллектуальная, в которой я опознаю идеал понимания и открытости, дружба благородная и плодотворная, во всех вариантах Испании. Это элементы, обогащающие ее образ и делающие ее той реальностью, которой она является. Реальностью, от которой я никогда не откажусь, несмотря на порицающую реакцию, которую, я представляю себе, развяжут против меня из-за того, что я только что заявил.

Когда рассмотришь вещи в их истинной исторической реальности, зачем отказываться от концепции Испании как «нации наций»?

Незабываемый дон Эмилио Гарсиа Гомес¹⁰ — возможно, самый мудрый человек в великой Испании, дошедшей до нас, сумевшей соединить три фазы обновления, человек, который всегда будет составлять славу нашего осуждаемого XX века, — говорил, что огромная проблема испанцев состоит в том, что они не переварили свою историю. Он говорил это во времена, когда наша история, единая история, еще изучалась в аудиториях и входила в программу последующих курсов бакалавра. Что бы он мог сказать сегодня, когда, благодаря компьютерам, благодаря Интернету, все гонятся лишь за разрозненными фактами, но не создается основа единых знаний, гармоничных с исторической реальностью? Господи! Куда мы идем...?

*Статья была опубликована в газете ABC 25 марта 2006 года.
Автор — профессор Королевской академии истории.*

¹⁰ Эмилио Гарсиа Гомес (1905–1995) — испанский арабист и переводчик.

ПЕДРО ГОНСАЛЕС ТРЕВИХАНО

«НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭЛИКСИР»

...Перед нами «Статут» патологического желания всё регламентировать, который сделает проблематичным проведение «либерализующей» и гибкой политики. Это болезненное стремление к вмешательству, которое осложнит не только положение правительства «Каталонии»¹, но и её желаемое экономическое развитие.

Статут Каталонии уже долгое время монополизирует национальную жизнь. Сначала в парламенте, а теперь и в конгрессе, где напряженная и разгоряченная дискуссия по поводу его программных положений и основных черт вызвала политические столкновения. Дебаты, кроме всего прочего, не ограничились рамками политических институтов и общественной среды, но дошли до темы гражданства. Именно к ней мне хотелось бы обратиться, более чем к плеяде политических актеров и различных составных частей этой благопристойной академии.

Для начала одно уточнение: я не хулитель нашей модели политической децентрализации — автономное государство, или государство автономий, не более чем старомодная защита непрактичных якобинских и удушающе централизаторских ограничений. Напротив, я верю в преимущества децентрализованной системы, близкой к богатым особенностям и народам Испании, как за то, что в ней заложена защита нашего территориального многообразия, так и за большую эффективность в предоставлении общественных услуг. Хотя нельзя игнорировать и некоторые ненужные дублирования в действиях государственных органов и, как следствие, их экономическую стоимость.

Сделав эти уточнения, я не могу пойти против своих убеждений. Это не та модель статута, в которой нуждается Каталония, и тем более Испания! Поскольку он будет неумолимо расширяться и — пошло-поехало! — дойдет и до остальных автономных образований. Какое тогда еще значение имеет свод документов Кампс Валенсийской автономии?²

Первый из аргументов состоит в социальной восприимчивости. Я сопротивляюсь тому, чтобы думать, что притязания сторонников автономии, по крайней мере, в своем исключительном духе, отвечают реальным чаяниям населения. Нас, граждан конституционной Испании (как это происходит с остальными европейцами), волнуют — так, во всяком случае, говорится в докладе Центра социологических исследований

¹ Catalunya — каталонское написание названия региона. Кастильское написание — Cataluña. В этом месте статьи автор взял название в кавычки, в остальных упоминаниях дано каталонское написание.

² Франсиско Кампс — глава Валенсийской автономии, выдвинувший проект нового статута автономии («свод документов Кампс»), в котором Валенсия уравнивается в правах и полномочиях с «историческими» автономиями — Каталонией, Страной Басков и Галисией.

за март этого года³ — другие вопросы, как то: иммиграция, занятость, здравоохранение, окружающая среда, жилье и образование. Требования сторонников статута в большинстве своем оформились — и давайте не будем обманываться! — для того, чтобы удовлетворить пристрастия и страстные эндогенные желания политического класса и раздраженного потребительства, и в то же время для того, чтобы добиться неизбежной парламентской поддержки с целью иметь возможность править.

Второй довод — в логике и методологии. Если от самого правительства исходит инициатива конституционной реформы, затрагивающей наименования автономных обществ или роль сената, в нашей автономной модели разумным было бы подтолкнуть, для начала, к пересмотру конституции, чтобы затем направить нужное направление изменениям в статуте. Давайте возведем фундамент и затем поставим крышу. Но не наоборот. Не статуты должны тащить за собой, на деле, не предусмотренную и негласную реформу конституции: скрытые под названиями конституционные модификации или мутации. Но тут есть еще кое-что. В отзывах Госсовета от февраля 2006 года содержится ходатайство, совершенно отличное от смысла утвержденной реформы статута: целесообразность того, чтобы закрыть модель, пресекая, таким образом, его центробежные черты и укрепляя общие и объединительные элементы.

Третий довод — в фактической оперативности. Децентрализация была такой интенсивности и такого распространения, что мало что остаётся для обоснованно разумных уступок автономным образованиям, если мы не хотим разрушить государство или преобразовать его в невыносимую конфедерацию. То, что следовало бы сделать в этот момент, это, напротив, усилить — в направлении кооперативного федерализма — механизмы многостороннего сотрудничества/соучастия между государством и автономными образованиями, для того чтобы улучшить координацию, эффективность и национальную сплоченность.

Четвертый довод — в разрыве конституционного согласия, являющегося краеугольным камнем, на котором зиждется успех действующего политического режима 1978 года, начиная с переходного периода. Согласно это не должно затрагивать только текст конституции, но его нужно также распространить — и пока это уважалось — на статуты автономий, чье утверждение не является исключительно вопросом квалифицированного большинства. Санкционировать реформу статутов без согласия двух больших политических национальных образований есть несчастная ошибка.

Пятый довод — в причине неконституционности/несвоевременности. Правда, что текст статута стал лучше после обсуждения в конгрессе (в конституционной комиссии). Из него были исключены вопиющие нарушения конституционных норм, такие, как структура Испании как многонационального государства; компетенция Женеалитата для созыва референдума; исключительная апелляция к историче-

³ Центр социологических исследований (Centro de Investigaciones Sociológicas, CIS, www.cis.es) — один из ведущих институтов Испании, занимающихся мониторингом общественного мнения страны. Среди прочих исследований проводит ежемесячный мониторинг по различным вопросам, в том числе и проблемам, волнующим в настоящий момент испанцев. Согласно опросу за март 2006 года, о котором идет речь в статье, больше всего испанцев на тот момент волновали такие вопросы, как безработица (52,2% опрошенных), иммиграция (32%), терроризм (28%), жилье (18,8%), безопасность в городах (16,5%) и экономические проблемы (16%).

ским правам. И, хотя здесь есть большие оговорки, в вопросах финансирования, и исчезла псевдосогласованность/псевдосоглашение, его окончательный рисунок, к сожалению, повлияет на международную солидарность.

То, что не удалось исправить в этом пункте,— вероятно, из-за того, что, несмотря на усилия, это было невозможно сделать, — это его «песнь» суверенитета. Достаточно прочитать претенциозную преамбулу статута, пролистать его бессмысленные по объему — 227 — статьи против 57 статей статута 1979 года или 169 статей конституции, чтобы заключить, как отметил профессор Мейлан, что этот статут пользуется «душой конституции и телом устава». И именно здесь оправдывается битва за то, чтобы определить каталонскую нацию, пусть даже это будет только в преамбуле, как если бы ей не хватало пояснительной юридической значимости и, более того, символического, исторического и политического объема (суверенитета, учредительной власти и самоопределения). И если нет, то пусть обратятся к преамбулам американской конституции 1787 года или Декларации прав человека и гражданина 1789-го! Признание, которое разбивает единство испанской нации, начиная с конституции Кадиса — «Испанская нация — это объединение всех испанцев на обоих полушариях», — на благо нереального квазипаритетного и двухстороннего взаимоотношения.

После таких параметров уже не удивляют и другие материи. Например, в случае с пустяковым разделом, посвященным правам. Компетенция, сохраняемая за государствами (раздел I и статьи 139 пункт 1 и 149 пункт 1 параграф 1S конституции),⁴ пусть даже она и является конституционной, если её применение в будущем не будет нарушать практического равенства на национальной территории, то не понятно, какие юридические последствия она может иметь. Подобное регулирование распространяет дискриминационное влияние на остальные образования (Валенсия и Андалузия), которые в скором времени поспешат позаимствовать столь страдающий манией величия норматив.⁵ И, тем более, несмотря на все охранные грамоты — с постоянными отсылками на органические законы государства, — это может создать брешь в единстве юридической власти: формирование ненужного совета юстиции Каталонии, необоснованные условия для назначения верховного судьи Каталонии. Вызывает возражение и раздел об оформлении лингвистических прав, в котором ничего не говорится — при оговоренной обязанности знать каталонский — о кастильском как «официальном государственном языке». Некорректны и положения о бронировании автономных полномочий, об ограничении радиуса действия основного законодательства государства, о создании независимого налогового агентства и др.

Но есть еще один довод, который можно добавить для критики: апелляция к каталонскому самовосприятию. Перед нами «Статут» патологического желания всё регламентировать, который сделает проблематичным проведение «либерализи-

⁴ Раздел I Конституции Испании посвящен правам и обязанностям. Согласно статье 139, пункт 1 Конституции Испании, «все испанцы имеют одинаковые права и обязанности на всей территории Испании». Статья 149 определяет, что относится к исключительному ведению государства.

⁵ К моменту выхода в свет настоящего сборника о своем намерении разработать и принять новые автономные статуты уже заявили такие автономии, как Валенсия, Андалузия, Арагон и Балеарские острова.

Империя и реальность.

рующей» и гибкой политики. Это болезненное стремление к вмешательству, которое осложнит не только положение правительства «Каталонии», но и её желаемое экономическое развитие.

Так обстоит дела. Растворяет ли окончательно статут единство испанской нации, пока взрывает его относительные конституционные рамки? Конечно, нет. Сегодня такой вывод выглядит чрезмерным, ведь пока что, если принимать во внимание практическую необратимость многих его средств, поддержка конституционной Испании крепка и широка. Тем не менее это не тот путь. И дело в том, что здесь, как в опере «Эликсир любви» Гаэтано Доницетти, любовный отвар Неморино для покорения Адины был замещен националистическим эликсиром.

*Статья была опубликована в испанской газете ABC 31 марта 2006 года.
Автор — ректор Университета Короля Хуана Карлоса.*

ЛОРЕНЦО МАРТИН РЕТОРТИЛЬО

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И АВТОНОМНЫЕ СТАТУТЫ

...Конституция мудра, давая унитарное толкование всем частям системы прав человека. Понятны стремления эго местного политического класса, мы ведь все люди. Но есть серьезные вещи, которые должны были бы быть поверх всех прихотей...

Перед нами перспектива, состоящая в необходимости проанализировать в нынешних дебатах по поводу новых статутах, являются ли права человека материей для автономных статутах и не навязывается ли нам единое для всего государства регулирование этих прав. Я продвигаю свое мнение в том смысле, что корректным и передовым является то, чтобы стандарты прав человека были общими для всей Испании. Хотелось бы, чтобы все объединились, чтобы всем было лучше, вместо обманчивой формулы типа «посмотрим, кто бежит быстрее и опередит остальных». Исторически интернационализация прав человека была большим шагом вперед. Поэтому между блистательными страницами «Политического перехода»¹ надо разместить те, которые закрепили обязательства Испании по великим «Декларациям прав человека»: Договор по правам человека Совета Европы, международные Нью-Йоркские пакты или договоры Международной организации труда, договоры в области прав рабочих, профсоюзов и прочее. Многие вспомнят эмоции, с которыми были прожиты вышеперечисленные события, плод совместных усилий, и каким примером стала Конституция 1978 года, включив амбициозный раздел 1², обновив животительный капитал названных деклараций, во главе которых — Всеобщая декларация прав человека, и связав себя с юриспруденцией Страсбургского суда. Сразу же была найдена стыковка с международными источниками в унитарной модели, приемлемой для всей территории государства, без различий или трещин. И все дело в том, что права человека вызывают к всеобщности: чтобы при их применении не вносились различия ни по принципу секса, расы и прочего, ни по принципу территории. Так объясняются два ключевых предписания конституции в статье 139, которая гласит: «Все испанцы имеют равные права (...) в любой части территории государства». И в статье 149 пункт 1, параграф 1, которая возлагает исключительно на государство «регулирование основных условий, гарантирующих равенство всех испанцев в исполнении их конституционных прав (...)».

Совсем другим выглядит рвение редакторов новых статутах в своем стремлении включить новые права человека..., применимые только в рамках соответствующей автономии. Каждый тянет одеяло на себя и пытается блюсти свои интересы. Необычно, без сомнения! Если хочется увеличить круг прав, то партии, которые со-

¹ «Политический переход» — период становления демократии в Испании после смерти генерала Франко в ноябре 1975 года.

² Раздел 1 Конституции Испании касается основных прав и обязанностей граждан.

берутся, чтобы одобрить каждый из статуты, будут иметь достаточный вес для того, чтобы добыть инструменты, которые гарантировали бы, чтобы эти расширенные права во всей полноте распространились повсеместно в Испании. Но это не является предметом статуты (и я имею в виду не то, что является дополнением к уже существующему, а то, что представляется как новшество, отдельное от всего того, что было бы развитием руководящих принципов социальной и экономической политики и что следовало бы оставить для свободного распоряжения законодателя). Когда ставка делается на то, чтобы отметить различия, испаряются крепко укоренившиеся в некоторых политических силах идеалы солидарности. Последние два года мир находится в напряжении из-за попыток придать силу правам человека через международные инструменты. Наберутся десятки соглашений, разработанных в стремлении обязать каждый раз большее количество государств, будь то для поддержки ликвидации дискриминации женщин, для продвижения прав иностранцев, для увеличения социальных выплат или, среди прочего, для выполнения новых требований охраны окружающей среды. Это нескончаемый и постоянный процесс, с живыми спорами в момент ратификации новых инструментов. Ведь нет нехватки в возражениях, стоит только посмотреть, что происходит с Киотским протоколом. Таким же образом Европейский союз решительно ставит на права человека, о чем свидетельствует Хартия об основных правах 2000 года, являющаяся квалифицированным опорным инструментом обновленных стремлений: интегрированность человека, отсутствие дискриминации в отношении сексуальной ориентации, право на хорошее администрирование, справедливые условия труда и прочее, что явилось второй частью проекта европейской конституции.

В вопросах расширения прав человека парадоксальным кажется то, что происходит с Римским договором по правам человека: вызывает стыд то, что Испания так до сих пор и не ратифицировала многие дополнительные протоколы договора, которые стремятся включить новые права. Партии, поддерживающие статуты, могли бы спокойно их одобрить: давай новые права, но для всех!

Конституция взялась за проблему глобальным образом, в смысле того, что помимо провозглашения прав важны юридическая и уголовная составляющие. Начиная со Всеобщей декларации прав человека появляется идея «эффективного юридического средства»: на практике нельзя было бы говорить о каком-то из прав человека, если оно не располагает судебным выбором. Любое новшество должно быть синхронизировано с необходимой адаптацией к процессуальному порядку. Поэтому и потому, что разделяется единый блок, конституция делегирует юридический и процессуальный распорядок государству, а не автономиям (статья 149, пункт 1 параграф 6§).³ Недопустимо считать себя уполномоченным создавать новые права, не располагая процессуальным механизмом. Это как если бы захотелось двигать локомотив, когда еще нет рельсов и даже неизвестно, появятся ли они вообще.

³ В статье 149 Конституции Испании 1978 года говорится «1. К исключительному ведению Государства относятся следующие предметы:

...6) Торговое, уголовное и исправительное право. Процессуальное законодательство, за исключением особых случаев, вытекающих из своеобразия законодательств автономных сообществ».

Нечто подобное происходит и с уголовным правом. Государство не исполняет свои функции, лишь объявляя о каком-то праве мобилизовать внушительные пенитенциарные силы. В двух направлениях. Я намекал на «Переходный период». Вспомните одно из последствий «Пактов Монклоа»⁴ — поскольку новые ветры свободы узаконивали действия, ранее запрещенные, нужно было вычистить Уголовный кодекс. Если утверждались свобода и равенство, супружеская неверность вычеркивалась из списка преступлений. То же происходило с самими последствиями признания свободы политических партий, свободы профсоюзов и прочее. Таким образом, с корнем исчезли значительные преступления, несовместимые с демократией: больше прав, меньше преступлений!

Но есть и другая перспектива. Недостаточно лишь утвердить какое-то право. У государства остается обязанность его гарантировать. Одна из форм обеспечения гарантий — это уголовная защита. Никто не усомнится в важности признания права на жизнь, но этого недостаточно: на деле право на жизнь не защищается, если не будут вводиться все средства для того, чтобы препятствовать появлению убийц. Так в кодекс проникают преступления о насильственной смерти или убийстве. Поскольку мы не ангелы, каждое новое право, которое провозглашается, было бы филькиной грамотой без укрепления соответствующих уголовных категорий. Так, большим правам больше преступлений! Поэтому, мудрым образом, конституция делегировала право редактировать Уголовный кодекс (статья 149, пункт 1 параграф 6§) государству, а не автономиям. Это единственный выбор, который к тому же оправдывается мобильностью столь динамичного и изменчивого общества, как испанское.

Конституция мудра, давая унитарное толкование всем частям системы прав человека. Понятны стремления эго местного политического класса, мы ведь все люди. Но есть серьезные вещи, которые должны были бы быть поверх всех прихотей и капризов, такие, как права человека, — цель, никогда не достигнутая окончательно, в которой нас поджидают — всех — важные дни, чтобы их прожить. Я не понимаю нехватку солидарности, которая представлена этой попыткой. Но дело в том, что она к тому же не увязывается с конституционной моделью. Или мы ее изменим, или придется признать, что над нею просто насмеются.

*Статья была опубликована в газете ABC 6 апреля 2006 года.
Автор — директор Департамента административного права
Университета Комплутенсе.*

⁴ «Пакты Монклоа» заключены в октябре 1977 года между правоцентристским правительством Адольфо Суареса и оппозиционными силами в парламенте. Этот обширный документ (почти 100 страниц), названный так по месту, где он был заключен (дворец Монклоа — официальная резиденция председателя правительства Испании), определил почти на полтора года «правила политической игры» между ветвями власти на период стабилизации ситуации в стране, выработки и принятия новой конституции.

АНТОНИ СИУРАНА И САРАГОСА

КАТАЛОНСКИЙ СЕЛЬСКИЙ МИР И НОВЫЙ СТАТУТ КАТАЛОНИИ

Новый текст статута улучшает охрану сельской среды и тех, кто работает и живет в этом окружении.

После 27 лет действия автономного статута Каталонии 1979 года мы, каталонцы, вновь превратились в основных актеров истории демократической и институциональной нормативности этой страны. Впервые принимается статут для замены другого, еще пока действующего. Более того, статут, который мы сейчас принимаем, не ставит окончательную точку в нормативных вопросах, а адаптирует свое содержание к сегодняшней реальности. Это статут второго поколения. Новый текст значительно улучшает нынешний во всех основных аспектах.

Но нужно говорить ясным образом. Иметь больше полномочий означает иметь и больше ответственности. Располагать необходимыми ресурсами для того, чтобы взять на себя это расширение полномочий, означает обязанность быть более деятельным в момент, когда потребуются этими ресурсами управлять. И в том, что касается территориальной реальности нашей страны, новый статут предусматривает реорганизацию, чтобы наиболее точно «подогнать» полномочия администрации к потребностям общества(или времени). Каталонская сельская территория занимает 80% общей территории страны. Новый текст улучшает охрану сельской среды как своей составляющей в области окружающей среды, так и тем, что является физическим и связующим пространством для тех, кто живет в этом окружении.

Исходя из этого подробно описанного регулирования, которое отмечается в новом тексте статута, у сельского мира есть удобный момент получить роль, отличную от той, которая ему была отведена до сегодняшнего дня. Это уже не роль противопоставления городскому миру, а жизненный выбор для всех предприимчивых семей, желающих иметь те же возможности, которые они нашли бы в городских условиях.

Есть целая серия прав, способных, без сомнения, улучшить качество жизни, которое должны иметь деревенские жители, скотоводы и все те, кто работает и живет в сельском мире. Я имею в виду право иметь возможность жить в сбалансированной среде, поддерживающей здоровье и почтительной к нему, право пользоваться естественными ресурсами и пейзажем в условиях равенства, или право ответственного использования существующих ресурсов.

В этом контексте общественные власти Каталонии берут на себя обязательство заботиться об экономической и территориальной спаянности сельского мира. И будут применять политику, которая гарантировала бы особое обращение с горными зо-

нами, защиту пейзажей, охрану берегов, поощрение сельскохозяйственной, скотоводческой и лесоводческой активности и сбалансированное распределение по территории различных производительных секторов, служб общего интереса и сетей коммуникаций. Исключительная компетенция, которой обладает Женералитат в области сельского хозяйства и скотоводства, усилена в новом тексте тем, что в него включены ясным образом все те необходимые аспекты, которые позволят земледельческим и скотоводческим разработкам быть более конкурентоспособными и действенными и соответствовать реальным требованиям рынка. Исследования, развитие села, передача технологий, инноваций, разработок сельских и продовольственных предприятий — это аспекты, которые каталонское правительство сегодня берет на себя с большой энергией.

То же оно делает и в области регулирования качества продовольствия, отслеживания продуктов питания и условий содержания, перевозки и хранения сельскохозяйственных и скотоводческих продуктов, так же как и в борьбе против обмана в области производства и коммерциализации сельскохозяйственных продуктов и продуктов питания. Таким образом, новый статут проясняет области полномочий и делает это с четким стремлением соответствовать новым временам и новым реальностям Каталонии. Исходя из всего этого, мы можем этому радоваться, но не в банальной форме. Нужно хорошо осознавать, что мы делаем. Нужно осмыслить и оценить по справедливости то, что новый статут влечет за собой для продвижения каталонцев вперед. И только так мы сможем осознать великий исторический момент, который нам довелось прожить.

*Статья была опубликована в газете La Vanguardia 16 апреля 2006 года.
Автор — советник Женералитета по сельскому хозяйству,
растениеводству и рыболовству.*

ПРИМЕЧАНИЕ

В статуте 1979 года в разделе «Полномочия Женералитета» в статье 9 говорится:

«Женералитат Каталонии имеет исключительную компетенцию в следующих областях:

...9. Управление землей и побережьем, городское устройство и жилище.

10. Горы, лесопользование и лесные службы, скотоводческие тропы и пастбища, закрытые естественные пространства и специальное обращение с горными зонами, согласно изложенному в пункте 23 раздела 1 статьи 149 Конституции.

...17. Рыбный промысел во внутренних водах, добыча даров моря, рыбоводство, речная и озерная охота и ловля».

В новом статуте этим полномочиям отведена целая статья. В разделе IV главы II «Вопросы полномочий в статье 116 «Сельское хозяйство, скотоводчество и лесопользование» говорится:

«1. К полномочиям Женералитата относится... исключительная компетенция в области сельского хозяйства и скотоводчества. Эта компетенция включает в любом случае:

- a) Регулирование и развитие сельского хозяйства, скотоводчества и сектора аграрного продовольствия;
- b) Регулирование и исполнение (наложение запрета, контроль исполнения) качества, отслеживание условий содержания, перевозки и хранения сельскохозяйственных и скотоводческих продуктов, равно как и борьба со злоупотреблениями в области агропродовольственных производств и их коммерциализации;
- c) Регулирование участия аграрных и скотоводческих организаций и аграрных палат в общественных организациях;
- d) Здоровье растений и животных, если это не будет иметь влияния на здоровье людей и защиту животных;
- e) Семена и питомники, особенно все то, что относится к генетически модифицированным организмам;
- f) Регулирование процессов производства, использования, аграрных структур и их юридического порядка;
- g) Интегральное развитие и защита сельского мира;
- h) Исследования, развитие села, передача технологий, инновационных разработок и сельских и продовольственных предприятий и образование в этих вопросах;
- i) Сельскохозяйственные, скотоводческие и лесные ярмарки и конкурсы (смотрры).

2. К разделенным полномочиям Женералитата относятся:

- a) Планирование сельского хозяйства, скотоводства и агропродовольственного сектора;
- b) Регулирование и порядок административного вмешательства в пользование горами, лесами и лесными службами и скотоводческими тропами Каталонии».

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИСПАНИИ

В начале XVI века политическая карта Европы, от Атлантики до Урала и от Арктики до Средиземноморья, была похожа на сегодняшнюю карту, если не считать пространства между Балканами и Черным морем, которым завладели оттоманские турки. Это была Европа королевств: Швеция, Дания, Англия (к которой в скором времени присоединилась Шотландия), Франция, Нидерланды, Германская империя, Польша, Венгрия, Испания, Португалия, а еще царская Россия и Гельветическая конфедерация, объединявшая швейцарские кантоны.

Половина нынешних государств Европейского союза были среди тех королевств «пятисотых». Другие, такие, как Чехия (Богемия), Ирландия и Литва, тоже были независимыми королевствами немного ранее того столетия. Исключением являлась Италия. Ее склонность к унитаризму, порожденная ее культурой и историей, никто не оспаривал. Тем не менее она оставалась поделенной между республиками, городами, иностранными дворянами и принцами до последней трети XIX века, хотя уже в XVI веке раздавался голоса, как, например, Макиавелли, которые стремились к тому, чтобы кому-нибудь удалось сделать Италию королевством, похожим на Испанию или Францию. Ни в одном случае не шла речь о нациях или государствах в том смысле, который так привычен нам сегодня. Этого не случилось нигде вплоть до конца XVIII века.

Название «государства» («штаты») начало использоваться в Северной Америке. С независимостью его приняли тринадцать британских колоний. Почти в то же самое время стали называть «нациями» и бывшие королевства Европы. Сражение у Вальми (1792 год),¹ в котором возглас французских революционеров «Да здравствует Нация!» так сильно впечатлил Гете. Университетские выступления Фихте (1808 год),² прусского философа «немецкой нации» (*deutsche Nation*). Испанская Конституция Кадиса (1912 год).³ Все это лежит в основе и в стремительности, с которой на всех языках распространялось новое значение слова «нация». Это слово происходит от латыни и обозначало что-то вроде «люди» или «народ», не организованный в политическое объединение.

Если говорить конкретно, то в Испании 24 сентября 1810 года, в Кадисе, конституционно оформились «Генеральные и Чрезвычайные Кортесы Королевства». И было там закреплено следующее: кортесы являются носителями «суверенитета, принад-

¹ Сражение у Вальми — сражение французских войск с прусско-австрийской армией у французского селения Вальми в сентябре 1792 года стало первым серьезным испытанием революционной Франции.

² Иоганн Готтлиб Фихте (1762–1814) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии. В своих «Речах к немецкой нации» (1808) призывал немецкий народ к моральному возрождению и объединению.

³ Конституция Кадиса, принятая Генеральными кортесами в 1812 году, провозгласила Испанию конституционной монархией.

лежащего Нации» и «передача Короны, которая якобы была совершена в пользу Наполеона, аннулируется и не имеет никакого значения не только из-за насилия, которое он совершил в тех несправедливых и незаконных действиях, но и принципиально из-за отсутствия согласия Нации». Два года спустя в окончательном тексте от знаменитого 19 марта⁴ до шести раз в более чем двенадцати статьях упоминается слово «нация» или «испанская нация».

Во всех других конституциях или конституционных проектах Испании, включая республиканскую конституцию 1931 года (статья 67), также неоднократно упоминается или имеется в виду нация или испанская нация. Никому никогда не приходило в голову обозначать этим словом какую-либо подгосударственную (подчиненную государству) общность, которая в любой момент могла бы образоваться. То же самое происходит и в остальных странах, политически развившихся в Европе и на других континентах.

Поэтому бессмысленно называть «нацией» любую из автономий, которые территориально организуют государство, согласно статье 137 действующей испанской конституции,⁵ что, как можно прочесть в ее статье 2, основывается на единстве испанской нации.⁶ Одновременно «признается и гарантируется право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих».

Эти «национальности» и «регионы», составляющие испанскую нацию, имеют право быть признанными таковыми и иметь на это гарантии, но только не как «нации». Это то, что в последние почти тридцать лет делали Генеральные кортесы со статутами и последующими правительствами парламентской монархии, передавая полномочия центральной власти автономным властям.

«Нация» в современном языке публичного права, в целом принятого во всем мире, подразумевает «суверенитет». Будь то монархии или республики, нациями называются политические общности, действующие отдельно и независимо друг от друга, так же как и три века назад действовали тогдашние королевства. Достаточно лишь упомянуть природу таких названий, как ООН и НАТО, не упоминая другие межгосударственные — «межнациональные» — организации, и другие, которые очень далеки от испанцев, такие, как НАФТА, АНЗЮС и пр.

В случае с Испанией нет необходимости восходить к таким красивым и далеким прецедентам, как выразительная поэма в прозе «*Laus Hispaniae*» Исидоро Севильского начала VII века или к унитаристскому процессу Средних веков. Можно утверждать, что на протяжении всей новой и новейшей истории монархий, республик, революций и даже диктатур общественные власти и граждане, за незначительными исключениями, и почти ни одно из них не серьезное, всегда считались членами

⁴ 19 марта 1812 года — дата, когда Конституция Кадиса была официально принята.

⁵ Согласно статье 137 Конституции Испании, «территориальное устройство государства включает в себя муниципии, провинции и учреждаемые автономные сообщества. Все эти образования пользуются автономией при ведении своих дел».

⁶ Статья 2 Конституции Испании гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общим и неделимым Отечестве всех испанцев; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними».

той политической общности, которая, вот уже более восьмисот лет, называется «испанской нацией». В прошедшие века ее основополагающими моментами были Корона и народ, «Суверен» и подданные. Теперь, с демократической конституцией 1978 года, роли изменились, потому что суверенитет зиждется на нации и ее неразрывном единстве, а Король ее воплощает и представляет. Но ни власть не делится, ни нация не делится.

Из некоторых региональных ассамблей автономий исходит неестественный союз — и возможно эфемерный — «сепаратистов», коммунистов, социалистов, чей испанский патриотизм не должен подвергаться сомнению, и умеренных националистов (и, возможно, скоро к ним присоединятся левые баски abertzales и радикальные арагнесты), который считает, что нашел философский камень или решение квадратуры круга. «Абракадабра», или «магическая формула», которая используется в «новом каталонском статуте» на пути его утверждения и которая позже была скопирована в проекте андалузского статута, есть простая синтагма «национальная реальность». Несомненно, нет ничего более ясного, чем эти два слова. Слово «реальность», на испанском языке, согласно мудрецам Академии, есть «реальное и эффективное существование чего-либо», а слово «национальный» — «то, что принадлежит нации». То есть «национальная реальность» означает то же, что и «нация». Так, Франция, Россия, Германия, Швеция, Испания, Голландия, Соединенные Штаты, Япония, Швейцария и все или почти все члены Объединенных Наций признаны во всем мире «национальными реальностями», или, что одно и то же, «нациями». Но это не случай ни Каталонии, ни Андалузии, ни других автономий, которые могли бы стремиться присоединиться к этой семантической путанице. «Национальная реальность» или означает нацию, когда применяется к Испании, или это то, что в Средние века называлось *flatus vocis*.⁷

Древняя магическая формула «абракадабра» — выражение на подлинном греческом, взлелеянном египетскими гностиками в первых веках христианства, звучало как «абраксас» («abraxas»), не является выражением, притянутым за волосы в тексте этой статьи, потому что на английском, где оно тоже известно, и на других культурных языках этому древнему магическому выражению, в современную эпоху не действующему уже как магическое, есть аналог: «смутная и невразумительная речь». Английский синоним — слово «nonsense».

Слова «национальная реальность» на испанском языке могут быть сказаны только об Испании. Обращение с этим выражением к другим автономным образованиям будет расценено не только как антиконституционное, но и как недозволенное присвоение.

*Статья была опубликована в газете ABC 11 мая 2006 года.
Автор — бывший председатель Сената.*

⁷ *Flatus vocis* (лат.) — колебание голоса.

ЯЗЫКИ И НОВЫЙ СТАТУТ

Новый текст статута стремится к модели официального билингвизма, асимметричного в пользу каталонского как собственного языка страны.

Вслед за политическим и медийным шумом, который вызвало рассмотрение текста нового статута в парламенте, кажется уместным приступить к более выдержанному анализу самого текста. Здесь мы сосредоточимся на некоторых новшествах, введенных в области языка, имея в виду статут 1979 года, законы о языке 1983 и 1998 годов и предложение, одобренное каталонским парламентом в сентябре 2005 года.

Главные новшества сосредоточены вокруг четырех крупных вопросов: сопоставление языковых прав и обязанностей, участие государства в защите и распространении каталонского языка, определение полномочий Женералитета в лингвистических вопросах и более полное признание окситанского языка Вал д'Арана.¹

Для начала отметим, что новый статут продолжает рассматривать каталонский как язык собственный и официальный, который определяется как «язык нормального и предпочтительного использования» в органах власти и средствах массовой информации, равно как и язык, «служащий проводником для обучения в школах (статьи 6 и 35.2), соответствующий конечной цели достижения двуязычия среди учеников. Таким образом, началось повышение статутского ранга модели двойного признания официального характера, наброски чего содержатся в законе 1983 года, развиты в законе 1998 года и утверждены Конституционным судом. Более того, устанавливается, что Женералитату принадлежит исключительная компетенция в области собственного (национального) языка, что включает в себя и достижение им статуса официального (статья 143).

Но наиболее значимое новшество относится к сфере лингвистических прав/обязанностей: установление для всех граждан Каталонии родовой обязанности знать каталонский язык (статья 6), аналог того, что устанавливает конституция по отношению к кастильскому языку для всех испанцев. Та же логика сопоставления преобладает в каталоге лингвистических прав (статьи 32–36) и в его гарантии и покровительстве (статьи 37–38). И здесь выделяются три новшества. Во-первых, признается право лингвистического выбора граждан в их отношениях со всеми органами власти (администрациями) (статья 33, пункт 1). В случае с судебными властями это право устанавливается для судей, членов Верховного суда, прокурора, нотариуса и т. д., а также

¹ Окситанский – дин из романских языков, на котором говорят от 2 до 10 миллионов человек на юге Франции, в некоторых районах итальянских Альп и в небольшой области Вал д'Арана, расположенной в Каталонии. В Вал д'Арана окситанский язык носит статут официального языка наряду с каталонским и кастильским. Согласно проекту нового статута, предполагается предоставить окситанскому языку статус официального на всей территории Каталонии.

для другого персонала этих служб. Устанавливается обязанность удостоверять «адекватный и необходимый уровень знания» официальных языков. В ходе прохождения текста проекта нового статута в конгрессе была добавлена не очень четкая ссылка на удостоверение такого знания «в форме, установленной законом» (статья 33, пункт 3). Во-вторых, право лингвистического выбора потребителей и пользователей подразумевает также обязанность обслуживать их на официальном языке, избранном «обществами, предприятиями и открытыми обществу учреждениями» (статья 34). Право это было в первых черновых вариантах закона 1998 года, но оно «выпало» из текста в ходе парламентских слушаний. И, в-третьих, новый статут включает право общаться в письменном виде на каталонском языке «с государственными конституционными и судебными органами» (статья 33, пункт 5), что в нынешней ситуации возможно только в отношении сената.

Еще одно важное новшество мы находим в области участия государства в защите каталонского языка: государство и Женеалитат должны предпринимать необходимые действия для признания официального статуса каталонского языка в Европейском союзе и его присутствия в международных органах (статья 6, пункт 3) (в законе 1998 года международная защита каталонского языка была задачей только Женеалитата). С другой стороны, вводится в качестве основополагающего принципа то, что государство должно поддерживать задачи укрепления и распространения каталонского языка (статья 50, пункт 7).

Среди «вырезок», которые пережил текст статута в ходе прохождения в инстанциях, следовало бы упомянуть отмену требования знания каталонского языка со стороны судей, членов Верховного суда и прокурора как обязательного условия для доступа к работе; исключение компетенции Женеалитата для определения допустимости употребления юридических аспектов двойного официального статуса; менее строгое регулирование этикетирования продуктов; ограничение для дистрибьюторов, «прописанных в Каталонии», концессий и контроль над лицензиями по дублированию.

И последнее. Текст поднимает до ранга статута официальный статус аранского языка. Более того, этот язык теперь будет официальным не только «в Вал д'Аране», но и «в Каталонии» (статья 6, пункт 5), что поддерживает право аранцев использовать этот язык в своих отношениях с Женеалитатом (статья 36).

И в заключение отметим: в том, что касается регулирования лингвистических моментов, новый статут ясным образом более благосклонен к каталонскому языку, чем статут 1979 года, не будучи одновременно менее благосклонным к кастильскому. Новый текст тяготеет к модели официального асимметричного билингвизма в пользу каталонского как собственного языка страны, что компенсирует давление в пользу кастильского, осуществленное государством и большей частью частной среды. И все это в рамках уважения права лингвистического выбора граждан, которые, как провозглашает дважды текст статута (статьи 6, пункт 2 и 32), не могут быть подвергнуты дискриминации за использование того или иного языка. Так, не стоит определять в лингвистическом плане основные недостатки нового статута для признания, развития и самоопределения Каталонии.

Империя и реальность.

В противоположность тому, что произошло в других сферах (финансирование, полномочия, внешние действия или Европейский союз), обсуждение той части текста статута, которая касается языка, в кортесах не очень сильно изменило то, что было одобрено каталонскими парламентариями в 2005 году.

Статья была опубликована в газете La Vanguardia 29 мая 2006 года.

Альберт Бранчаделл — профессор социолингвистики

Автономного университета Барселоны.

Ферран Рекехо — профессор политических наук

Университета Помпеу Фабра (Каталония).

СТАТУТ КАТАЛОНИИ, ОДОБРЕННЫЙ КОНГРЕССОМ И ГЕНЕРАЛЬНЫМИ КОРТЕСАМИ

Окончательный текст (21 марта 2006)

Преамбула

Каталонская нация формировалась продолжительное время за счет вклада энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней пристанище.

Народ Каталонии в течение веков сохранял неизменную склонность к самоопределению, воплощенную в собственных институтах власти, таких как Женералитат, который был создан в 1359 году Кортесами Серверы,¹ и, среди других сводов норм, в принятом специфическом юридическом собрании постановлений, таком как «Конституция и другие права Каталонии» (*Constitucions i altres drets de Catalunya*). После 1714 года было много различных попыток вернуть институты самоуправления.² На этом историческом пути есть выдающиеся вехи, такие как Манкомунidad 1914 года,³ возвращение Женералитата со статутом в 1932 году,⁴ его восстановление в 1977 году и статут 1979 года,⁵ рожденный вместе с демократией, конституция 1978 года и государство автономий.

Коллективная свобода Каталонии находит в основных органах Женералитата связь с историей и утверждение и уважение фундаментальных прав и общественной свободы личности и народа, порядок вещей, который мужчины и женщины Каталонии хотят продолжить с целью сделать возможным строительство демократического и развитого общества, общества благосостояния и прогресса, солидарного с остальной Испанией и включенного в Европу.

Каталонский народ продолжает провозглашать сегодня в качестве высших ценностей своей коллективной жизни свободу, справедливость и равенство и выражает свою волю к продвижению по пути прогресса, который обеспечивает достойное качество жизни для всех, кто живет и работает в Каталонии.

¹ Кортесы Серверы были созданы в 1359 году в правление арагонского короля Педро IV Церемонного (1319–1387), прозванного так за тщательное соблюдение правил этикета. В Женералитат были избраны 12 депутатов с фискальными функциями и так называемые «контролеры счетов», которые контролировали действия властей. Первым президентом этого органа власти был епископ Хероны Беренгер де Круильес.

² В 1714 году каталонцы восстали против центральной власти. После подавления восстания королевским декретом от 16 сентября 1714 года были ликвидированы многие каталонские привилегии и свободы, в том числе и Женералитат. Но каталонцы считают 1714 год годом рождения каталонской идентичности.

³ В 1914 году испанские власти под давлением каталонских националистов были вынуждены создать единый для всей Каталонии орган местного самоуправления, просуществовавший до 1925 года.

⁴ 9 сентября 1932 года. Учредительные кортесы Испании приняли закон об автономном статуте Каталонии, в соответствии с которым был избран каталонский парламент и сформировано местное правительство — Женералитат.

⁵ 15 июля 1977 года в Испании состоялись первые после падения франкистского режима многопартийные выборы, в которых победил Союз демократического центра во главе с Адольфо Суаресом. А 29 сентября 1977 года председатель правительства Адольфо Суарес восстановил специальным декретом Женералитат Каталонии. Через два года был принят статут Каталонии.

Публичные власти находятся на службе общих интересов и прав граждан, уважая принцип соучастия.

Именно поэтому, следуя духу преамбулы статута 1979 года, настоящий статут принимает, что:

Каталония — это страна, богатая землями и людьми, с разнообразием, которое определяет ее, обогащает на протяжении многих веков и укрепляет для будущих времен.

Каталония — это сообщество свободных людей для свободных людей, где каждый может жить, проявляя различные идентичности, с решительным обязательством члена сообщества, основанным на уважении достоинства всех и каждого.

Вклад всех граждан и гражданок сформировал интегрированное общество, в котором ценятся усилия и новаторские и предпринимательские способности, ценности, способствующие прогрессу.

Самоопределение Каталонии основано на конституции, равно как и на исторических правах каталонского народа, которые, в рамках конституции, в настоящем статуте закладывают признание особой позиции Женералитата. Каталония хочет развивать свою политическую индивидуальность в рамках государства, которое признает и уважает разнообразие идентичностей народов Испании.

Гражданская и ассоциативная традиция Каталонии всегда подчеркивала важность каталонского языка и культуры, прав и обязанностей, знаний, образования, социальной сплоченности, устойчивого развития и равенства прав и, особенно сегодня, равенства между мужчинами и женщинами.

Каталония, через государство, участвует в строительстве политического проекта Европейского союза, чьи ценности и цели разделяет.

Каталония подтверждает, через свою гуманистическую традицию, свои обязательства перед всеми народами для строительства мирного и справедливого мирового порядка.

Парламент Каталонии, суммировав чувства и волю граждан Каталонии, определил значительным большинством Каталонию как нацию. Испанская конституция в своей статье 2 признает национальную реальность Каталонии как национальность.⁶

Во исполнение неотъемлемого права Каталонии на самоопределение каталонские депутаты предлагают, конституционная комиссия конгресса депутатов соглашается, Генеральные кортесы подтверждают это, и народ Каталонии ратифицирует настоящий статут.

⁶ Согласно статье 2 Конституции Испании, «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМЕ СТАТУТА АВТОНОМИИ КАТАЛОНИИ ¹

Преамбула

Каталонская нация формировалась продолжительное время за счет вклада энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней пристанище. Каталония создала язык и культуру, структурировала пейзаж, приютила многие другие языки и культурные проявления, была всегда открыта щедрому взаимобмену, построила систему прав и свобод, обзавелась собственными законами и развила обособленные рамки сосуществования, стремящегося к социальной справедливости.

Настоящий статут продолжает традицию «Конституции и других прав Каталонии» (*Constitucions i altres drets de Catalunya*), которые исторически означали политический и социальный союз мужчин и женщин Каталонии.

Начиная с 1714 года много было различных попыток восстановить наши институты самоуправления. На этом историческом пути есть выдающиеся вехи, такие как Манкомунidad 1914 года, восстановление Женералитета и статута в 1932 и 1979 годах, в которых было прописано, что Каталония хотела осуществлять, тогда, как и сейчас, свое неотъемлемое право на самоуправление.

Именно в этом смысле статут является хранителем памяти, оберегая, в том числе, и память обо всех тех, кто боролся и кто был изгнан или даже погиб за признание национальных интересов Каталонии и социальных прав каталонцев.

Но, возможно, больше, чем память, настоящим статутом движут стремление, планы и мечты о Каталонии без каких-либо препятствий для свободной и полной взаимозависимости, в которой нуждается сегодня нация.

Призвание и право граждан Каталонии свободно определять свое будущее как народ, которые парламент Каталонии неоднократно выражал, соотносятся с национальным самоутверждением, которое исторически представлял институт Женералитета, действовавший до XVIII века и затем восстановленный и сохраненный без перерыва как наивысшее выражение исторических прав, которыми обладает Каталония и которые настоящий статут включает в себя и актуализирует.

¹ Предложения по реформе статута автономии Каталонии были приняты каталонским парламентом осенью 2005 года. Затем, в ходе прохождения проекта статута по инстанциям (конституционная комиссия, Генеральные кортесы, сенат), в текст были внесены существенные изменения, в том числе и в преамбулу. В настоящем сборнике приводятся оба текста преамбулы: из проекта статута и из его окончательного варианта.

Сегодня Каталония, в процессе национального строительства, выражает желание быть и продолжать продвигаться в признании своей коллективной идентичности и в совершенствовании и расширении самоуправления посредством этого нового статуса.

Таким образом, настоящий статут определяет, какими должны быть институты каталонской нации и ее отношения с народами Испании в рамках свободной солидарности с национальностями и регионами, ее образующими, таким образом, чтобы это не противоречило развитию многонационального государства.

Таким же образом устанавливаются узы отношений с Европой, где все национальные образования должны участвовать соответствующим образом в институтах управления и законодательства, чтобы вносить свой вклад в европейское строительство.

Настоящий статут представляет собой Статут Каталонии и Арана, поскольку граждане Каталонии и ее политические институты признают Аран как национальную реальность с собственной сущностью.

Каталония хочет продвинуться, посредством настоящего статута, к демократии более высокого качества, основанной на равновесии прав и обязанностей и гражданском участии. Этот принцип направляет действия публичных властей, находящихся на службе общих интересов и прав граждан, таких, как право на благосостояние, на качество жизни, на жизнь в условиях мира, на возможность пользоваться эффективными и качественными социальными службами, на защиту окружающей среды, на возможность располагать всеобщей системой соцобеспечения, которые благоприятствовали бы равенству и социальной сплоченности, созданию богатств и полной и качественной занятости, с постоянным обязательством борьбы против неравенства, дискриминации, несправедливости и бедности.

Эти права осуществляются вместе с индивидуальной ответственностью и гражданской обязанностью участвовать в коллективных планах, в совместном строительстве общества, которое стремится добиться, на основе принципа близости через муниципалитеты, районы и владения, того, что составляет институциональную систему Женералитета.

Самоуправление Каталонии, конечно же, вписывается в эти ценности и задачи, которые развивает в пространстве Каталонии и продвигает в испанском и европейском пространстве, в особенности защиту множества языков и культур, в которое Каталония привносит каталонский как собственный язык, общий для всего гражданского общества независимо от родного языка и языка привычного пользования.

Это статут свободных людей для свободных людей. Политическая свобода страны никогда не должна вступать в противоречие с личными свободами граждан Каталонии, потому что истинно свободной является страна, в которой каждый может жить и выражать достаточное разнообразие идентичностей, без какой-либо иерархии или зависимости между ними.

Именно поэтому настоящий статут устанавливает, что:

Первое: Каталония — это нация.

Второе: Женералитат, восстановленный в 1931 году, никогда не переставал существовать, на собственной земле или в изгнании, благодаря стойкости нашего народа и верности своих руководителей.

Третье: Каталония, подтверждая свои исторические права, развила и имеет особенное положение в том, что касается языка, культуры, гражданских прав и территориального устройства.

Четвертое: Каталония — это страна, богатая землями и людьми, с разнообразием, которое определяет ее, обогащает на протяжении многих веков и укрепляет для будущих времен.

Пятое: Каталония считает, что Испания — это многонациональное государство.

Шестое: Каталония братски сосуществует с народами Испании и солидарна с остальным миром.

Седьмое: Каталонское право применяется предпочтительно.

Восьмое: Политическая демократическая традиция Каталонии всегда подчеркивала важность прав и обязанностей, знания, образования, социальной сплоченности и равенства прав и, сегодня в особенности, равенства между женщинами и мужчинами.

Девятое: Доступ к универсальным системам коммуникаций, транспорта, инноваций, исследований и технологий, а также устойчивое развитие должны быть определяющими для каталонцев.

Десятое: Каталония, посредством государства, принадлежит Европейскому союзу, разделяет европейские ценности и модель благосостояния и прогресса и предлагает свою дружбу и сотрудничество сообществам и соседним регионам для формирования, от Средиземноморья, еврорегиона, годного для прогресса общих интересов в рамках своих полномочий.

Будучи верными данным принципам и с целью реализации неоспоримого права Каталонии на самоопределение, каталонские парламентарии предлагают:

(далее идет постатейный текст статута).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА СТАТУТА, ОДОБРЕННОГО КОНГРЕССОМ, И ТЕКСТА СТАТУТА 1979 ГОДА

Женералитат Каталонии

Департамент институциональных отношений и участия

10 больших сфер социального и национального продвижения

1. Признание национальной идентичности Каталонии.
2. Больше признание каталонского языка и больше инструментов для его нормализации.
3. Права, обязанности и важнейшие принципы.
4. Внедрение новых институциональных фигур и укрепление других, уже существующих.
5. Внедрение местного мира, предоставление ему больших полномочий и установление основ для нового территориального устройства Каталонии.
6. Внедрение новшеств, означающих четкое демократическое углубление.
7. Юридическая власть получает более широкие полномочия и права.
8. Больше полномочий.
9. Более весомая политическая роль внутри государства, в отношениях с другими автономиями, в Европейском союзе и во внешних действиях.
10. Лучшее финансирование.

1. Признание национальной идентичности Каталонии

Новый статут

В преамбуле: «Парламент Каталонии, суммировав чувства и волю граждан Каталонии, определил значительным большинством Каталонию как нацию. Испанская конституция в своей статье 2 признает национальную реальность Каталонии как национальность».

В статье 1 сохраняется смысл нынешнего статута.

Статут 1979 года

Каталония определена как «национальность» (статья 1).

Новый статут

Отсылает полномочия Женералитата только народу Каталонии:

«Полномочия Женералитата исходят от народа Каталонии...» (статья 2, пункт 4).

Статут 1979 года

«Полномочия Женералитата исходят от Конституции, настоящего Статута и народа» (статья 1, пункт 3).

Новый статут

Включает исторические права Каталонии как основу самоопределения и в некоторых сферах выделяет свою позицию:

«Самоопределение Каталонии основывается также на исторических правах каталонского народа, на его вековых институтах и на каталонской юридической традиции, (...) от которых происходит признание особого положения Женералитата в отношении гражданского права, языка, культуры, защиты всего вышеперечисленного в сфере образования и институциональной системы, в которую организуется Женералитат» (статья 5).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

Новый статут

В своих отношениях с государством Женералитат руководствуется всеобщим принципом, согласно которому Женералитат есть государство, принципом автономии, принципом двусторонности, а также принципом многосторонности» (статья 3, пункт 1).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

Новый статут

Включает Европейский союз как соотносимое политическое пространство:

«У Каталонии есть в испанском государстве и в Европейском союзе свое соотносимое политическое и географическое пространство (...)» (статья 3, пункт 2).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

Новый статут

Включает национальные символы, все их определяет и приравнивает их в юридической защите к другим государственным символам:

«Национальными символами Каталонии (...) являются флаг, национальный праздник и гимн» (статья 8, пункт 1).

Статут 1979 года

Говорит только о флаге:

«Флаг Каталонии — это традиционный флаг с четырьмя красными полосами на желтом фоне» (статья 4).

2. Больше признание каталонского языка и больше инструментов для его нормализации

Новый статут

Каталонский язык наконец пользуется теми же правами, что и кастильский:

«Все люди имеют право использовать оба официальных языка, и граждане Каталонии — право и обязанность их знать» (статья 6, пункт 2).

Статут 1979 года

«Женералитат гарантирует нормальное и официальное использование обоих языков, принимает необходимые меры для обеспечения знания обоих языков и создает условия, которые позволили бы добиться их полнейшего равенства (...)» (статья 3, пункт 3).

Новый статут

Устанавливается исключительная компетенция на родном языке (статья 143).

Статут 1979 года

Нет специальной статьи, которая предоставляла бы такую компетенцию.

Новый статут

Имеется целая глава (глава III) в разделе I, посвященном языковым правам и обязанностям.

Права и обязанности знать и использовать языки, языковые права в отношениях с общественными и государственными институтами, языковые права потребителей и пользователей, языковые права в сфере образования, права в отношениях с аранским языком.

Устанавливается также как ведущий принцип действия общественных властей поощрение и распространение каталонского языка (статья 50).

«Общественные власти Каталонии должны защищать каталонский язык во всех сферах и секторах, которые обязаны его поощрять (...), побуждать к тому, чтобы данные, которые присутствуют на упаковках и в учреждениях использования продуктов, распространяемых в Каталонии, также были на каталонском (...).

Статут 1979 года

«Женералитат примет необходимые меры для обеспечения его знания» (статья 3).

Новый статут

Стимул в распространении каталонского языка в области юриспруденции.

Для участия в конкурсах будут оцениваться знания каталонского языка, что станет определяющим преимуществом. Те, кто однажды получил юридическую должность в Каталонии, обязаны будут удостоверить соответствующие и достаточные знания каталонского языка.

«Члены Верховного суда, судьи или прокуроры, занимающие должность в Каталонии, обязаны иметь соответствующие и достаточные знания каталонского языка» (статья 102, пункт 1).

«Достаточное знание языка и собственного права будет оцениваться определенным и особым образом для получения должности в соответствующих конкурсах по продвижению по работе» (статья 102, пункт 3).

Статут 1979 года

Ничего не говорится о необходимости знания каталонского языка. Говорится лишь, что будет «предпочтительным преимуществом специализация в каталонском праве» (статья 23).

3. Права, обязанности и важнейшие принципы

1. Впервые в статуте вводится список прав, обязанностей и ведущих (важнейших) принципов, что предполагает определение той модели страны, которую мы хотим: модели социально и политически передовой страны, стремящейся гарантировать благосостояние всей совокупности граждан со всех точек зрения.

В статуте имеется 21 статья, касающаяся прав и обязанностей

1. В области гражданских прав:

- Права женщин (статья 19)
- Права детей (статья 17)
- Право на достойный уход из жизни (статья 20)

2. В социальной, политической областях и администрировании:

- Права и обязанности в области образования (статья 21)
- Права и обязанности в области трудовой деятельности (статья 25)
- Права и обязанности в области окружающей среды (статья 27)
- Права и обязанности в области политики и администрирования (статьи 29, 30 и 31)

3. Языковые права и обязанности.

В статуте имеются 14 статей, касающихся ведущих принципов.

- Взаимодействие (статья 42)
- Жилище (статья 47)
- Историческая память (статья 54)
- Перспективы по половому признаку (статья 41)
- Укрепление социальной перспективы (статья 43)
- Социально-экономическая среда (статья 45)
- Окружающая среда, устойчивое развитие и территориальное равновесие (статья 46)
- (...)

2. Устанавливаются механизмы гарантии прав, записанных в статуте, перед лицом общественных властей (всех). Это приводит к тому, чтобы они не оставались простыми заявлениями о намерениях, а принимались своевременные меры для того, чтобы эти права стали эффективными.

- Совет по гарантиям статута (сейчас это Консультативный совет): для защиты этих прав перед лицом законодательной власти (статья 38, пункт 1). Его решения являются обязательными.
- Верховный юридический трибунал (Верховный трибунал справедливости), к которому можно обращаться по действиям, нарушающим права, которые признаются в этом разделе (статья 38, пункт 2). Для защиты этих прав перед лицом исполнительной власти и администрации.

4. Внедрение новых институциональных структур и укрепление других, уже существующих

Новый статут

Совет по делам аудио и видео Каталонии (статья 82)

Первый (главный) советник (статья 69)

Совет по гарантиям статута (статьи 76 и 77), сейчас это Консультативный совет, институт, который следит за соответствием этому статуту и Конституции распоряжений Женеалитата. Берет на себя новые функции в области прав, области, где его суждения будут обязательными (они обязательны для парламента).

Sindic de Greuges¹ (контрольная должность) (статьи 78 и 79): обладает функцией защиты и обороны прав и свобод, которые признаются Конституцией и статутом. Придается исключительный характер всему, что связано с администрацией Женеалитата.

Статут 1979 года

Отсылает к закону о создании этой контрольной позиции (Sindic de Greuges), статья 35, и Консультативного совета, статья 41, или просто упоминается о создании без конкретизации (Счетная палата, статья 42). Фигура первого советника не упоминается, равно как и Совет по аудио и видео.

¹ Синдик де Греужес (катал. Sindic de Greuges) – орган Женеалитата, представляющий лицо, избранное парламентом, для наблюдения за деятельностью общественной каталонской администрации и для обеспечения гарантии уважения основных прав и общественных свобод граждан.

5. Внедрение местного мира, предоставление ему больших полномочий и установление основ для нового территориального устройства Каталонии

Новый статут

Включает в статут местный мир (есть статья VI раздела II, посвященная этой материи). Продвигая более прямые отношения местной власти с Женералитатом:

- гарантирует автономию местного мира (статья 86)
- гарантирует его полномочия (статья 84). Включает 14 тем (вопросов).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

Новый статут

Предоставляет им более широкую политическую роль: создание советов местных правительств, представительного органа муниципалитетов и сельских управ в институтах Женералитата. Эти советы должны быть заслушаны в ходе парламентских слушаний по законодательным инициативам, которые затрагивают местные администрации (статья 85).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

Новый статут

Гарантирует его финансирование. Статья III раздела VI (финансирование), касающаяся бюджетов местных правительств.

«Местные финансы управляются принципами достаточности ресурсов, беспристрастности, автономии и налоговой ответственности» (статья 221).

«Женералитат должен создать фонд местного сотрудничества, предназначенный для местных правительств (...)» (статья 223, пункт 1).

«Местным правительствам гарантируются достаточные ресурсы для того, чтобы справиться с предоставлением тех услуг и функций, которые им передаются или делегируются. Любое другое предоставление полномочий должно сопровождаться ассигнованием дополнительных ресурсов (...)» (статья 223, пункт 3).

Статут 1979 года

«В компетенцию местных органов Каталонии входят управление, взимание, ликвидация и инспектирование собственных налогов, определенных законами, отдельно от поступлений, доверенных для тех же целей в пользу Женералитата. Посредством государственного закона устанавливается система сотрудничества между местными органами, Женералитатом и государством для управления, ликвидации, взимания и инспектирования налогов, которые будут определены. Поступления от местных инстанций Каталонии, состоящие из отчислений от участия в государственных поступлениях и из безоговорочных субсидий, будут получаться через Женералитат, который распределит их согласно узаконенным критериям, установленным для перечисленного распределения» (статья 48, пункт 2).

Новый статут

Устанавливает основы нового территориального устройства Каталонии, включая понятие *vegueria* (хутор):

«Каталония структурирует свое базовое территориальное устройство в муниципалитеты и хутора — поселения. Субмуниципальная среда состоит, в любом случае, из районов, которые должны регулироваться законом, принятым парламентом» (статья 83, пункт 1 и 2).

«Поселение есть специфическая территориальная среда для исполнения своих обязанностей межмуниципальным правительством местного сотрудничества и имеет собственное юридическое лицо. Поселение — это также территориальное деление, принятое Женералитатом для территориального устройства своих служб» (статья 91, пункт 3).

Советы поселения заменяют депутации (статья 91, пункт 3).

Статут 1979 года

«Женералитат Каталонии организует свое территориальное устройство в муниципалитеты и районы» (статья 5, пункт 1)

6. Внедрение новшеств, означающих четкое демократическое углубление

Новый статут

Означает четкое демократическое углубление:

- Возможность создавать исследовательские комиссии (статья 59, пункт 6)
- Развитие гражданского участия (статья 59, пункт 7)
- «Избирательный закон Каталонии должен установить критерии равноправия между мужчинами и женщинами для выработки избирательных списков (статья 56, пункт 3)
- Инициатива реформы статута автономии со стороны граждан Каталонии: можно предлагать реформу при наличии 300 тысяч подтвержденных подписей граждан Каталонии, имеющих право голоса (статья 226, пункт 1).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

7. Юридическая власть получает более широкие полномочия и права

Новый статут

Укрепляется позиция (статус) Верховного трибунала Каталонии как последней юридической инстанции, с признанием списка полномочий, более широкого, чем в статуте 1979 года (статья 95).

Статут 1979 года

Устанавливает только то, что Верховный трибунал Каталонии является органом юрисдикции, в котором достигает высшей точки судебная организация в территориальных рамках и перед которым исчерпываются все последующие процессуальные инстанции (статья 19).

Новый статут

Создается Совет юстиции Каталонии (глава II).

Статут 1979 года

Такого совета нет.

Новый статут

Расширение полномочий Женералитата (статьи 101–109)

Статут 1979 года

Женералитат исполняет те функции, которые органические законы судебной власти и Верховный совет судебной власти (Consejo General del Poder Judicial, CGPJ) признают для государства (статья 18, пункт 1).

Новый статут

Создается орган Верховного прокурора Каталонии (статья 96).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

8. Больше полномочий

1. Прямо расширяется веер полномочий, которыми располагает Женералитат:

- Иммиграция (статья 138)
- Статья 140, пункт 3 предусматривает, что Женералитат может взять на себя управление портами и аэропортами

2. Гарантируется его содержание перед формулировками, допускающими сокращения (бронирование).

Как?

2.1. Определяя тип полномочий, которых три:

- *эксклюзивные*: которыми обладает только Женералитат;
- *поделенные*: в которых развиваются основы, установленные государственными законами;
- *исполнительные*: в которых Женералитат имеет регламентируемое право (статут 1979 года не предусматривает такой возможности).

2.2. Уточняя территориальное распространение полномочий (статья 115)

2.3. Разграничивая государственные полномочий развития.

2.4. Определяя спецификацию подтем компетенций.

Пример новых полномочий, определенных по этим направлениям:

- пригородные и региональные поезда RENFE
- детское воспитание и политика в области предоставления ученых пособий;
- инспекция трудовой деятельности

Пример бронирования:

Новый статут

Статья 137. Жилье

1. Женералитату принадлежит исключительная компетенция в области жилья, которая в любом случае включает:
 - а) планирование, упорядочение, управление, инспектирование и контроль жилья в соответствии с социальной необходимостью и территориальным равновесием;
 - б) Установление приоритетов и целей действий по развитию общественных администраций Каталонии и принятие необходимых мер для их достижения как в отношении общественного сектора, так и в отношении частного сектора;
 - в) Общественное развитие жилья;
 - г) административное регулирование торговли, относящейся к жилью, и установление мер защиты и дисциплинарных мер в этой сфере;
 - д) технические нормы, нормы инспектирования и нормы контроля качества строительства;
 - е) нормы по пригодности жилья;
 - ж) технологические новшества и приемлемая для жилья рентабельность;
 - з) нормы по консервации и поддержанию жилья и их применение.
2. Женералитату принадлежит компетенция по определению состояния зданий для обновления общей инфраструктуры для телекоммуникаций, радиосвязи, основной телефонии и других сетевых услуг, с учетом законодательства государства в области телекоммуникаций.

Статут 1979 года

Статья 9, пункт 9.

Обустройство территорий и побережья, городское строительство и жилье.

9. Более весомая политическая роль внутри государства, в отношениях с другими автономиями, в Европейском союзе и во внешних действиях

1. Прыжок вперед в двусторонних отношениях с государством, без ущемления многосторонних отношений:

- двусторонняя комиссия Женератилат–Государство получает ранг уставного института (статья 183)
- участие в процессах назначения членов государственных органов (Конституционный суд, Верховный совет судебной власти). Назначает представителей в других органах (Банк Испании, Национальная комиссия рынка ценных бумаг, Счетная палата, Экономический и социальный совет и др.) (статьи 180 и 182).

2. Отношения Женералитета с Европейским союзом.

Означает огромный и внушительный скачок, если иметь в виду, что в 1979 году Испания не являлась частью ЕС:

- принимает прямое участие в работе испанских делегаций при европейских институтах (статья 187, пункт 1);
- участвует в формировании государственной позиции (статья 186, пункты 1 и 2);
- может осуществлять представительство государства (статья 187, пункт 2);
- позиция, высказанная Женералитатом, является определяющей для формирования государственной позиции, если она затрагивает его исключительные полномочия (статья 186, пункт 3);
- управляет европейскими фондами в области своих полномочий (статья 190, пункт 1).

3. Импульс в присутствии Каталонии за границей

- женералитат обладает способностью осуществлять действия во внешней деятельности, которые бы вытекали непосредственно из его полномочий (статья 194, пункт 2);
- побуждает продвижение Каталонии вовне и продвигает свои интересы, уважая компетенции государства в области внешних отношений (статья 194, пункт 1);
- женералитат сможет ходатайствовать перед центральным правительством, чтобы оно включало его представителей в делегации на переговорах, непосредственно затрагивающих Каталонию (статья 197, пункт 2);
- женералитат может просить центральное правительство о проведении международных переговоров по вопросам, входящим в его компетенцию (статья 197, пункт 3).

10. Лучшее финансирование

Новый статут

LOFCA (закон «О финансировании независимых общин») перестает быть над статутом в управлении, и уравниваются условия различных юридических источников, определяющих финансирование Каталонии:

«Отношения налогового и финансового порядка между государством и Женералитатом регулируются Конституцией, нынешним статутом и органическим законом, предусмотренным в разделе 3 статьи 157 Конституции (статья 202, пункт 1).

Статут 1979 года

Женералитат будет пользоваться налоговым обращением, которое закон установит для государства (статья 47).

Новый статут

Нормативная способность управлять налогами, которые уступили полностью или частично (участие в закреплении типа налогов, льгот, сокращений, улучшений и вычетов).

Право на то, чтобы вмешаться в закрепление основных элементов налогов и в особенности в определение типа налогов (статья 204).

Статут 1979 года

Не существует нормативной установки в этой связи.

Новый статут

Устанавливается процент участия, который принадлежит Женералитату. Среди прочих, это 50% IRPF и IVA и 58% на углеводороды, табак, алкоголь, пиво, вино и промежуточные продукты (полуфабрикаты) (дополнительное распоряжение 12).

Статут 1979 года

Финансы Женералитата состоят из поступлений (...) от уступленных государством налогов, о которых говорится в дополнительном распоряжении б, и всех тех, уступка которых будет одобрена Генеральными кортесами. Процент участия в общем взимании государственных налогов посредством прямых и непрямых налогов, включая налоговые монополии.

Новый статут

Создает Налоговое агентство Каталонии (статья 199). Оно отвечает за управление, взимание налогов, заключительный баланс и инспектирование всех собственных налогов Женералитата Каталонии, равно как и всех государственных налогов, уступленных целиком Женералитату.

Устанавливается создание, в течение двух лет, паритетного консорциума между двумя агентствами, который может быть преобразован в Налоговую администрацию Каталонии.

Статут 1979 года

Его функции зависели от государственной Налоговой администрации (статья 46, пункт 3).

Новый статут

Женералитат содействует солидарности с другими автономными субъектами, чтобы службы образования, здравоохранения и другие основные социальные службы общего благополучия, предоставляемые различными автономными правительствами, могли дойти до уровня, сопоставимого с уровнем в остальном государстве, в случае если налоговые усилия тоже будут сопоставимыми. Перечисленные уровни будут определяться государством (статья 208, пункт 3).

Применение механизмов выравнивания ни в коем случае не может ухудшать положение Каталонии в распределении дохода на душу населения между автономными сообществами до выравнивания (статья 208, пункт 5).

Статут 1979 года

«Принцип международной солидарности, о котором говорится в Конституции, которая применит функции обратной связи реального дохода на жителя в Каталонии по отношению к доходу в остальной Испании» (статья 45, пункт 1с).

Новый статут

Инвестирование государством в инфраструктуры в Каталонии будет адекватно относительно участию во внутреннем валовом продукте Каталонии по отношению к внутреннему валовому продукту государства, на период в семь лет. Указанные вложения могут также использоваться для освобождения от дорожных пошлин или строительства автодорог (шестое дополнительное распоряжение).

Статут 1979 года

Ничего не говорится.

Новый статут

Формирование Смешанной комиссии по экономическим и налоговым вопросам Государство – Женералитат как двустороннего органа отношений между государственной администрацией и Женералитатом в области финансирования автономии (статья 214).

Статут 1979 года

В третьем переходном распоряжении создается Смешанная паритетная комиссия Государство – Женералитат, которая примет метод, направленный на закрепление процента участия Женералитата во взимании государственных налогов.